

И. В. Сапожников

Степная природно-хозяйственная область Восточной Европы в позднем палеолите

Keywords: East Europe, Upper Palaeolithic, steppe natural-economic area, hunting, specialization, economic cycle, ethnographic parallels.

Cuvinte cheie: Europa de Est, paleolitic superior, regiune natural-economică de stepă, vânat, specializare, ciclul economic, paralele etnografice.

Ключевые слова: Восточная Европа, верхний палеолит, степная природно-хозяйственная область, охота, специализация, хозяйственный цикл, этнографические параллели.

I. V. Sapozhnikov

Steppe Natural-Economic Area of East Europe in the Upper Palaeolithic

This article is devoted to the problems associated with the study of the steppe natural-economic area (SNEA) of the Upper Palaeolithic of East Europe. The author starts with a detailed historiographical review. After that and on the basis of the evidence obtained at the principal sites of the area (Amvrosievka, Anetovka II, Bolshaya Akkarzha, Kamennaya Balka I—III, Muralovka, Zolotovka I and others), he builds a scheme of the annual economic cycle of the SNEA. It is supposed that the cycle had a well pronounced seasonal character, caused by animal migrations. Different types of seasonal camps can be distinguished, namely: spring-summer; fall-winter and winter ones. During the main period of the SNEA existence (about 22—13 kya), collective seasonal bison drive hunting was the main strategy in the spring-summer season, when the ancient collectives consolidated. In fall and winter both bisons and other animals (horse, caribou, etc.) were mainly procured by individual hunters. These conclusions are illustrated by ethnographical parallels with the way of life and subsistence strategies of American Indians from the Southern and Central Great Plains. At the final stage of the Upper Palaeolithic SNEA existence (about 13—10 kya) its mammalian fauna underwent substantial changes. While the bison did not disappear completely, it was the horse that became now the main object of hunting.

I. V. Sapozhnikov

Regiunea natural-economică de stepă din Europa de Est în paleoliticul superior

Articolul vizează problemele, legate de cercetarea regiunii natural-economice de stepă (RNES) din paleoliticul superior al Europei de Est. Studiul începe cu un sumar istoriografic amplu. Urmează analiza: în baza datelor siturilor principale din regiune (Amvrosievka, Anetovka II, Bolshaya Akkarzha, Kamennaya Balka I—III, Muralovka, Zolotovka I și altele), autorul elaborează o schemă a ciclului economic anual din RNES, cu un caracter sezonier pronunțat, determinat de migrațiile animalelor. În cadrul acestui ciclu, pot fi evidențiate diferite tipuri de tabere sezoniere: de primăvară-vară, de toamnă-iarnă și de iarnă. Pe durata perioadei principale de existență a RNES (în jur de 22—13 mii ani în urmă), vânatul colectiv sezonier de bizon reprezenta principala strategie în timpul sezonului primăvară-vară, care ducea la consolidarea comunităților preistorice. În toamnă și iarnă, atât bizonii, cât și alte animale (cai, karibu) erau vânați individual. Aceste concluzii sunt ilustrate și de paralelele etnografice cu modul de viață și strategiile economice ale indienilor americani din sudul și centrul Marilor Câmpii. În stadiul final al RNES (13—10 mii ani în urmă), fauna din regiune a suferit unele modificări substanțiale. Cu toate că bizonii nu au dispărut complet, principalul obiect al vânătorii a devenit calul.

И. В. Сапожников

Степная природно-хозяйственная область Восточной Европы в позднем палеолите

Статья посвящена проблемам изучения степной природно-хозяйственной области (ПХО) верхнего палеолита. Приведен их подробный историографический обзор. На основе данных по опорным археологическим памятникам юга Восточной Европы (Амвросиевка, Большая Аккаржа, Анетовка II, Каменная Балка I—III, Мураловка, Золотовка I и др.) разработана схема годового хозяйственного цикла, который имел выраженный сезонный характер, обусловленный миграциями животных. В нем были представлены различные типы сезонных лагерей: весенне-летние, осенне-зимние и зимние. Во время основного периода существования степной ПХО (около 22—13 тыс. лет назад) охота велась преимущественно на бизонов на протяжении весны и лета, когда древние коллективы консолидировались. В осенне-зимний период охота на бизонов была более индивидуальной, тогда же добывались и другие животные: дикие лошади, северные олени и др. Эти выводы проиллюстрированы этнографическими параллелями с образом жизни и годовым экономическим циклом американских индейцев южной и центральной частей Великих равнин Северной Америки. На заключительном этапе существования степной ПХО (около 13—10 тыс. лет назад) ее фауна претерпела существенные изменения. Хотя бизоны не исчезли полностью, основным объектом охоты стала лошадь.

*Посвящается светлой памяти
выдающегося ученого и моего друга
Михаила Васильевича Аниковича.*

Вводные замечания

Основной концепцией, на основе которой чаще всего характеризуется специфика хозяйства юга Восточной Европы в позднем палеолите, является положение о степной природно-хозяйственной области (далее — ПХО), разработанное П. П. Ефименко и П. И. Борисковским в начале 1960-х годов. Оно неразрывно связано с концепцией степной или южной историко-культурной области (далее — ИКО), которая имеет более глубокие историографические корни. Начиная с 1980-х годов многие авторы (П. И. Борисковский, М. В. Аникович, А. А. Кротова, автор этих строк и др.) неоднократно писали о том, что на протяжении значительной части позднего палеолита границы степной ПХО и южной ИКО совпадали. В данной статье будут рассмотрены основные аспекты и проблемы выделения и атрибуции степной ПХО, но сначала обратимся к ее историографии.

1. Историография степной природно-хозяйственной области

Обычно историю концепции степной ПХО начинают с двух работ — П. П. Ефименко (Ефименко 1960) и П. И. Борисковского (Борисковский 1964), но на самом деле ученые обратили внимание на хозяйственную специфику степных памятников раньше. Так, П. П. Ефименко, характеризуя культурные остатки поселения Дубовая Балка в Днепровском Надпорожье (четко ограниченные пятна культурного слоя с очагами или кострищами в центре), заметил, что они являются следами «каких-то легких сооружений», использовавшихся небольшими группами людей в летнее время. Он объяснил эту особенность не региональными, а стадийными причинами, характерными для «азильского времени» на всей территории СССР (Ефименко 1938: 599, 620). Кроме этого, уже в 1920—1930-х годах ученый не раз подчеркивал, что для средиземноморской области, в состав которой он включал Крым и Закавказье, на протяжении почти всего верхнего палеолита был характерен особый тип хозяйства, обусловленный отличным от более северных районов составом фауны и флоры, наличием кратковременных сезонных поселений и значительно большей ролью собира-

тельства растительных продуктов и моллюсков (Ефименко 1933: 91—92).

Близкие взгляды высказывал и П. И. Борисковский, который в конце 1930-х годов видел основные этапы развития верхнепалеолитического хозяйства и образа жизни на территории Украины такими: «С исчезновением мамонтов сначала охотились на северных оленей, а с их перекочевкой на север — происходит смена образа жизни. Исчезают оседлые лагеря охотников на мамонтов, их место занимают сезонные стойбища, размещенные возле самой воды. В них отсутствуют остатки постоянных жилищ, они заменены легкими наземными шалашами... Люди перекочевывали сюда лишь в определенное время года для того, чтобы заняться охотой на мелких животных». Об Амвросиевском комплексе он сказал тогда, что «охота на зубров требовала больших облав с использованием горящих факелов, копий и дротиков» (Борисковский 1940: 97).

В 1950-х годах свои более ранние заключения на эту тему подтвердил П. П. Ефименко. Говоря о ставшей широко известной к тому времени Амвросиевке, он заключил, что «сюда, на водораздельную возвышенность, в верховья оврагов, связанных с долиной реки, палеолитические люди периодически приходили для облавной охоты на зубров, оставаясь здесь известное время для заготовки продуктов охоты в виде мяса, сала и шкур убитых животных» (Ефименко 1953: 550, см. также 603—605, 617—620 и др.).

Уже в начале 1950-х годов в первой научной монографии по палеолиту Украины П. И. Борисковский подчеркнул, что «особый характер развития материальной культуры в южных, далеких от границ максимального распространения ледников районах был в значительной степени обусловлен природными условиями, сильно отличавшимися от сурового климата приледниковой зоны» (Борисковский 1953: 412). Описывая памятники Надпорожья, он в целом согласился с их интерпретацией П. П. Ефименко, отметив выраженный сезонный характер этих поселений, а также сделав вывод о том, что в Амвросиевке «люди, вероятно, жили под открытым небом или же в каких-то легких шалашах, но стоянка, судя по обилию расколотого кремня и кости, судя по большому количеству орудий, найденных при раскопках, существовала достаточно долгое время» (Борисковский 1953: 362, 412).

В то же время, после выхода работы С.Н. Замятнина (1951), в СССР была узаконена концепция А. Брейля о существовании двух областей в верхнем палеолите Европы, которые автор назвал средиземноморско-африканской и европейской приледниковой провинциями. Однако сам С.Н. Замятнин не видел хозяйственных особенностей этих провинций и отнес время появления выраженной региональной экономической специфики уже к третьему (Кампиньи) этапу мезолита (Замятнин 1951: 146—149, рис. 10; ср.: Замятнин 1960: 96—100). Тогда же на русском языке была опубликована книга Г. Кларка, который также использовал идею о двух экологических зонах (северной и южной) в позднем палеолите Европы (Кларк 1953: 43—44).

Заметный вклад в определение специфики охоты зоны степей на основе данных палеонтологии внесли в эти годы И.Г. Пидопличко (1938; 1948; 1953; 1956), В.И. Громов (1935; 1948), В.И. Бибилова (Зубарева 1948; Бибилова 1950) и многие другие.

Как видим, к середине 1950-х гг. П.П. Ефименко и П.И. Борисковский имели почти все необходимые условия для создания концепции степной области, но им не доставало фактической базы, так как круг известных к тому времени памятников степной зоны северопричерноморского региона был очень узок. Ситуация изменилась после раскопок стоянки Большая Аккаржа под Одессой. Материалы памятника, охарактеризованные П.И. Борисковским в докладе об итогах полевых работ 1959 года, сделанном на заседании сектора палеолита и неолита ЛОИА СССР 6 января 1960 г., так заинтересовали П.П. Ефименко, что он использовал их в своей статье, вышедшей уже в текущем году.

В ней содержался вывод о том, что «особый тип культуры степных охотников» сложился в степях Северного Причерноморья и Приазовья в позднее ледниковое время на базе специализированной охоты на зубров. Анализируя культурные слои Большой Аккаржи и Амвросиевки, где остатки жизнедеятельности залегали рассеянно, отсутствовали следы не только жилых сооружений, но и очагов или постоянных кострищ, и не прослеживался «пол» жилого пространства, П.П. Ефименко заключил: «такой характер культурного слоя может говорить лишь о кратковременном обитании, причем, однако, последнее много раз возобновлялось на протяжении какого-то длительного периода времени» (Ефименко 1960: 23—24).

П.И. Борисковский согласился с такой интерпретацией, добавил к двум стоянкам

Каменные Балки I и II и допустил сопоставление с ними ряда поселений Надпорожья (Кайстровые Балки, Дубовую Балку и Осокоровку I). Все они были объединены в особую «степную область развития позднепалеолитической культуры», население которой занималось главным образом специализированной охотой на зубров (Борисковский 1964).

Подчеркнем, что П.П. Ефименко был первым, кто увидел прямую аналогию хозяйству степной ПХО в образе жизни индейцев прерий Северной Америки: «Известно, что это были бродячие охотники, проводившие всю свою жизнь в преследовании стад названных животных (бизонов — И.С.), перекочевывавших в зависимости от времени года то на юг (точнее, на север, см. ниже — И.С.), в области, более облесенные и обеспеченные кормом в зимние месяцы, то обратно, на травянистые равнины. И быт, и весь строй существования этих индейских племен были полностью подчинены такому образу жизни... У нас имеются все основания думать, что постоянная охота на европейского бизона-зубра, как основной источник существования, должна была оказать в продолжение многих тысячелетий глубокое влияние на образ жизни степных позднепалеолитических племен, населявших в конце ледникового периода равнины Северного Причерноморья. Конечно, при этом должна быть учтена далеко не одинаковая степень развития, на которой стояли неолитические племена индейцев Северной Америки и позднепалеолитические обитатели наших степей» (Ефименко 1960: 22). Как видим, П.П. Ефименко не только поставил проблему, но и указал одно из направлений ее решения путем использования этнографических материалов.

Уже после фактического ухода П.П. Ефименко с научной арены положение о степной области было поставлено под сомнение М.Д. Гвоздовер и Г.В. Григорьевой в целом ряде работ (Гвоздовер 1967; Григорьева 1968; и др.). Показательно, что П.И. Борисковский не обращал внимания на лавину критических замечаний в течение 20 лет, лишь в 1984 году высказавшись по этому поводу, но так и не вступив в дискуссию, которая приобрела односторонний характер и, по сути, не достигла целей, поставленных ее инициаторами (Миньков 1991: 5—6; Аникович 1992: 39; 2001: 10; Сапожников 1992: 43; 2003; 2003а; Сапожникова и др. 1995: 9—10; Krasnokutsky 1996: 5—9; Абрамова 2001—2002; и др.).

Сначала М.Д. Гвоздовер отметила, что в Каменной Балке II и Мураловке, кроме ко-

стей зубра, найдены останки и других видов животных, причем кости лошади в первой из них не намного уступают костям зубров (Гвоздовер 1967: 98). Г.В. Григорьева, в свою очередь, подчеркнула, что в Сагайдаке I, помимо зубра, также выявлены кости лошади (Григорьева 1968: 15). Кроме этого, М.Д. Гвоздовер доказала, что целый ряд деталей позволяет говорить о наличии остатков жилищ в Каменной Балке II и Мураловке, которые, по ее мнению, в зоне степей могли иметь иную конструкцию, чем в более северных районах. Она настаивала и на том, что, судя по степени насыщенности слоев культурными остатками и их мощности, Большая Аккаржа и Амвросиевка не являлись кратковременными сезонными стоянками. Более того, отсутствие в них кострищ, ям, других сооружений и какой-либо планировки остатков свидетельствует о значительной степени разрушения культурных слоев Большой Аккаржи и Амвросиевки в результате активной деятельности землероющих животных (Гвоздовер 1967: 99—100). Г.В. Григорьева добавила, что в Большой Аккарже характер стоянки остается неясным, так как ее культурный слой подвергался разрушению, а в Сагайдаке I большая часть находок была сосредоточена вокруг очагов, причем участки с повышенной концентрацией культурных остатков были невелики по своим размерам (Григорьева 1968: 15).

Нетрудно заметить, что большая часть замечаний обеих исследовательниц изначально была направлена мимо цели, так как П.И. Борисковский не отрицал наличие очагов на Каменной Балке II, а П.П. Ефименко подчеркивал, что культурные слои степных памятников сформировались в результате многократного наслоения друг на друга сезонных мест обитания. Более того, оба ученых допускали возможность существования легких наземных жилищ на степных стоянках с монобизоньей фауной. Единственным существенным замечанием М.Д. Гвоздовер и Г.В. Григорьевой, имевшим прямое отношение к хозяйству, является указание на присутствие на стоянках степной области, помимо костей бизонов, остатков иных промысловых животных — преимущественно дикой лошади и др., причем некоторых из них (в частности, северного оленя) трудно назвать собственно степными.

В 1970-х гг. С.В. Смирнов попытался сгладить ситуацию. Проанализировав материалы известных к тому времени памятников зоны степей, он согласился с выделением степной области как зоны хозяйственных

отличий, вызванных специализацией охоты на бизонов. При этом автор отметил возможность наличия взаимосвязи такой специализации с преобладанием в орудийных наборах стоянок степной области микроинвентаря в виде различных микроострий и микропластин с притупленным краем (Смирнов 1977: 149—157).

В то же время появились работы, в которых хозяйственная специфика степной области объяснялась с точки зрения концепции хозяйственно-культурных типов (далее — ХКТ). Напомним, что с середины 1950-х гг. ряд этнографов (Н.Г. Левин, Н.Н. Чебоксаров, Б.В. Андрианов и др.) начали широко разрабатывать проблемы существования, определения и дифференциации многочисленных ХКТ, и к началу 1970-х гг. концепция ХКТ в целом сложилась как более или менее законченная и стройная научная теория.

Заметим, что первые попытки такого рода были сделаны гораздо раньше. Так, еще в 1910—1920-х гг. К. Уисслер при описании североамериканских индейцев выделил «культурные ареалы» охотников на бизонов, рыболовов лосося, возделывателей маиса и др. (Wissler 1922). Позднее этнографы согласились с К. Уисслером, оценив его ареал охотников на бизонов как «бесспорный ХКТ», а из других интересующих нас ХКТ назвали «охотников и собирателей степей и полупустынь» (Левин, Чебоксаров 1955: 4). В 1930-х гг. М.Я. Рудинский использовал термин «культурно-бытовой тип» по отношению к финальному палеолиту и мезолиту Европы и Северной Африки (Рудинский 1931: 152—153). Тогда же А.В. Шмидт поставил вопрос о подразделении культур от неолита до эпохи бронзы по принципу особенностей их экономической базы на типы: 1) охоты и рыболовства; 2) рыболовства и собирания моллюсков; 3) земледелия; 4) скотоводства и т.д. (Шмидт 1932).

По первому определению, «под хозяйственно-культурными типами следует понимать исторически сложившиеся комплексы особенностей хозяйства и культуры, характерные для народов, обитающих в определенных естественно-географических условиях, при определенном уровне социально-экономического развития» (Левин, Чебоксаров 1955: 4; ср.: Чебоксаров, Чебоксарова 1986: 177). Более четкое определение ХКТ гласит: «это исторически сложившиеся комплексы хозяйства и культуры, типичные для народов, различных по происхождению, но обитающих в сходных географических условиях и находящихся примерно на одинаковом

уровне социально-экономического развития» (Андрианов 1985: 18).

Тогда же В.П. Степанов предложил понятие «зона охотничьего хозяйства». Для «первого хронологического среза» позднего палеолита Евразии (24—14 тыс. лет назад — далее ТЛ) он определил три такие зоны: 1) приледниковых охотников на мамонтов и других стадных животных; 2) бродячих горных охотников Кавказа; 3) степных бродячих охотников на копытных животных Средней Азии. Для «второго среза» (14—10 ТЛ) в Восточной Европе были выделены зоны: 1) кочевых охотников на северного оленя; 2) охотников на мамонтов; 3) степных бродячих охотников Причерноморья; 4) горных охотников (Степанов 1973).

Эта работа В.П. Степанова вызвала справедливую критику, но не археологов или этнографов, а палеогеографа Г.М. Левковской, заявившей: «нельзя говорить об однородности охотничьего хозяйства даже для одного хронологического среза, так как в зависимости от природной зональности существовали различные зоны охотничьего хозяйства» (Левковская 1974: 204).

Через три года ученый пересмотрел свою концепцию, учтя не только это замечание, но аргументы о степени оседлости, высказанные в ходе дискуссии между Ю.И. Семеновым (Семенов 1973) и А.М. Хазановым (Хазанов 1973), а также в других статьях (Андрианов, Чебоксаров 1972; и др.). Что касается Б.В. Андрианова и Н.Н. Чебоксарова, то они определили для верхнего палеолита «приледниковой степной области Европы и Северной Америки» ХКТ «полуседлых охотников на крупных животных» (Андрианов, Чебоксаров 1972: 3—16), но не привели его даже самой общей характеристики.

В.П. Степанов заменил «охотничьи зоны» на «хозяйственные зоны» и уточнил даты временных срезов. В первом из них (24—16 ТЛ) он выделил зоны: 1) оседлых охотников на плейстоценовую мегафауну Русской равнины и Сибири; 2) охотников горных лесов Крыма и Кавказа; 3) бродячих охотников на копытных животных среднеазиатских предгорий. Во втором (16—10 ТЛ) на Русской равнине отмечены зоны: 1) оседлых охотников на мамонтов; 2) кочевых лучных охотников на северного оленя (на запад от Днепра); 3) бродячих охотников на бизонов в приазовских степях (Степанов 1976: 320). Заметим, что хозяйственная зона охотников на бизонов существовала только в период позднеледниковья и только в Приазовье. Этот факт вызывает удивление, так как автор не раз упомянул

Большую Аккаржу, сопоставил концентрацию находок на ней и на Амвросиевке и сделал вывод о том, что это «показатель большей плотности населения» (Степанов 1976: 317).

Идеи В.П. Степанова поддержали этнографы — В.Р. Кабо, заменивший термин ХКТ понятием «хозяйственно-экологическая зона» (Кабо 1986: 228—229), и Л.А. Файнберг, который не высказался и против степной ПХО, очевидно, не видя между ними разницы (Файнберг 1986: 145—146). Сам В.П. Степанов вскоре ввел в науку новое понятие «экологический комплекс культуры — любые проявления в культуре, опосредствованные спецификой природного окружения и несущие в своих элементах отпечатки конкретных связей со средой» (Степанов 1982: 272, 273), но не пояснил, как оно соотносится с его же хозяйственными зонами.

В 1975 году М.И. Гладких предложил выделение единого ХКТ «охотников и собирателей позднего палеолита Восточной Европы». В рамках этого типа он назвал три связанных с ним подтипа: 1) охотников на северного оленя Прикарпатья; 2) охотников на мамонтов Среднего Приднепровья; 3) охотников на зубров степной зоны (Гладких 1975). В расширенной статье М.И. Гладких подтвердил свой вывод, подчеркнув, что ХКТ «позднепалеолитических охотников-собирателей» был распространен на протяжении только поздневалдайского времени, когда в большей части Восточной Европы сложились «гиперзональные» природные условия. Вместе с тем, автор подчеркнул, что выделенный им ХКТ и его подтипы следует отличать от тех ХКТ, которые сложились в бывшей приледниковой зоне в период 14—10 ТЛ в связи с дифференциацией палеогеографической ситуации в разных районах региона накануне перехода к голоцену (Гладких 1977: 115).

Выделение одного «позднепалеолитического хозяйственного типа» в Восточной Европе без разделения на подтипы поддержали П.М. Долуханов и Г.А. Пашкевич, хотя они и подчеркнули специализацию охоты в степях (бизон и тур) и в Полесье (мамонт) (Долуханов, Пашкевич 1977: 138—139).

В 1975 году С.А. Дворянинов и автор этой статьи попытались развить один из тезисов концепции степной области, связанный с сезонным характером охоты. На основе различного геоморфологического расположения памятников позднего палеолита и мезолита Северо-Западного Причерноморья (на плато и на террасах долин) мы пришли к выводу, что поселения региона можно разделить на весенне-летние и зимние (Дворянинов, Са-

пожников 1975). Позже он не раз подтвердился материалами других территорий (Soffer 1985: 344; Залізняк 1989; Кротова 1994а: 156; Нужный 1997; Горелик 2001: 281; и др.). Правда, много лет спустя П. М. Долуханов, не приведя ни одного факта, написал, что от 15 до 10 ТЛ в Восточной Европе «наиболее крупные стоябища возникали в зимнее время на высоких, но в то же время защищенных от холодных ветров участках рельефа. В летнее время значительно меньшие по размеру стоянки устраивались поблизости от водотоков» (Долуханов 2000: 86).

В те же годы В. М. Массон использовал термин «культурно-хозяйственный тип» (КХТ), рассматривая их не столько в природно-региональном, сколько в эволюционно-стадиальном аспекте. Он отнес обитателей ашельских стоянок Амбронна и Торральба к КХТ бродячих охотников и собирателей лесов и саванн, а все позднепалеолитическое население Восточной Европы — к охотникам тайги и тундры, и одним из наиболее ярких памятников второго КХТ назвал почему-то Амвросиевское костеище (Массон 1976: 24—33).

В то же время Б. В. Андрианов пришел к выводу: «На всей территории первобытной ойкумены вплоть до периода неолитической революции (начавшейся 12—10 тыс. лет назад) медленно развивался один КХТ, или, вернее, группа близкородственных типов: 1) арктические охотники; 2) тундровые и таежные охотники; 3) горные охотники; 4) степные охотники; 5) охотники степей, саванн и лесов; 6) охотники степей и нагорий; 7) охотники и собиратели пустынь; 8) охотники и собиратели тропических и субтропических лесов и влажных саванн» (Андрианов 1981: 256). На это последовала резкая критика: В. П. Алексеев заметил, что если на протяжении всего палеолита существовал всего лишь один КХТ, то тогда это понятие в целом «сливается с понятием хозяйственной деятельности человечества на ее ранних этапах. В чем же тогда его эвристическая ценность?» (Алексеев 1984: 353).

Еще далее в этом направлении пошел Г. Е. Марков, выделивший единый КХТ «развитого присваивающего хозяйства», существующий до настоящего времени. В рамках этого типа он назвал пять основных подтипов, которые представляют: а) обитатели тропиков с комплексным хозяйством: охотой, рыболовством и собирательством; б) пешие и конные охотники умеренной зоны; таежные охотники северной зоны; в) прибрежные рыболовы; г) арктические охотники на морского зве-

ря; д) охотники и собиратели с примитивным земледелием как вспомогательным занятием. Кроме этого, один из не существующих в настоящее время «подтипов охотников» включал североамериканских индейцев степей, которые добывали «главным образом бизонов» (Марков 1979: 162, 172; 1979а).

На этом историографическом фундаменте дальнейшая разработка проблемы региональных хозяйственных отличий в палеолите пошла по двум основным направлениям. Одни исследователи, вслед за П. М. Долухановым (1984) и П. И. Борисковским (1984; 1984а), начали использовать такую категорию, как «природно-хозяйственная область», а другие продолжали широко применять концепцию КХТ, но никто из них не задал себе простой по своей сути вопрос: а в чем, собственно, между ними разница?

Причины этому, на мой взгляд, заключаются в эволюции самой концепции КХТ. Пока в 1950-х — начале 1970-х годов этнографы шли по пути определения и описания отдельных КХТ, в той или иной мере признавая их соподчинение с более крупными ИКО или ИЭО (Левин, Чебоксаров 1955), особых проблем не возникало. Когда же они попытались объединить выделенные ими КХТ в категории более высокого ранга по периодизационному или экономическому принципам, выяснилось, что КХТ группироваться не хотят. Так, одни архаические КХТ (таежные охотники, морские охотники и др.) благополучно дожили до нашего времени, а другие, более развитые и возникшие позднее КХТ давно исчезли.

Кроме того, ученые столкнулись с тем, что все кажущееся разнообразие КХТ, которые можно выявить и описать методами этнографии, отнюдь не отражает типов хозяйства, существовавших в древности. Было замечено также, что в случае, когда в КХТ большее значение придается не хозяйственному, а культурному компоненту, они «дробятся, теряют четкость границ и имеют тенденцию сливаться с этническими традициями» (Марков 1979а: 151; Чеснов 1982: 109 и сл.; Алексеев 1984: 348—353). И наконец, сами этнографы пришли к выводу, что КХТ в большей степени является именно типом, а следовательно — моделью хозяйства и быта того или иного общества, а не отражением самого общества.

Автор концепции антропогеоценозов В. П. Алексеев подчеркнул: «антропогеоценоз — реально существующее явление в составе КХТ, гораздо реальнее, чем сам КХТ» (Алексеев 1984: 383). Ю. В. Бромлей заключил, что в этнографии «системообразующую роль» могут играть и определенные типы тра-

диционного хозяйства, которые он предложил назвать «хозяйственно-культурными ареалами». Ученый согласился сохранять и понятие ХКТ, но только тогда, когда «каждый хозяйственно-культурный ареал представляет конкретное выражение того или иного ХКТ» (Бромлей 1981: 50; ср.: Бромлей 1973: 33—34). С этим можно согласиться, уточнив, что характерные особенности того или иного хозяйственно-культурного ареала (ПХО или иного территориального образования) могут быть охарактеризованы через соответствующий ХКТ. Совсем не случайно В.Р. Кабо предложил понятие «хозяйственно-экологической зоны» (Кабо 1986: 228—229) — подчеркнем, именно зоны, а не типа.

Исходя из сказанного, нам трудно разделить мнение С.А. Балакина: «ХКТ являются не просто типами экономики (хозяйства)..., а экономическими районами древности», тем более, что он сам тут же признал, что для того, чтобы они стали таковыми окончательно, их лучше было бы переименовать в «хозяйственно-культурные области» (Балакин 1985: 104).

И действительно, археология не изучает ХКТ — это считается делом этнографии¹. Археологи раскапывают в поле не типы или подтипы хозяйства и культуры, а конкретные памятники, расположенные в определенной местности. Более того, при обобщении полученных данных они применяют результаты исследований других наук и дисциплин. Авторы последних тем более не изучают ХКТ, и даже не потому, что, как правило, мало что знают о данной концепции, а потому, что также занимаются конкретными материалами, хотя и под другим углом зрения. Другими словами, даже на уровне обобщения археологи все равно имеют дело с данными об объектах, расположенных на определенной территории, которые существовали в определенных природных условиях и датированы более или менее точно определенным отрезком времени, а вот место и период бытования того или иного ХКТ не имеют для них большого значения (Зализняк 1998: 61). Очевидно, что такие территории надо как-то называть, но понятие ХКТ подходит для этого менее всего.

Из всего многообразия названий, предложенных для таких «данных нам в ощущениях» реальных явлений (хозяйственно-культурные ареалы и области, палеоэкологические регионы, культурно-хозяйственные зоны, хозяйственные зоны, хозяйственно-адаптивные уклады и мн. др.), наиболее удачным, на мой взгляд, оказался термин «природно-хозяйственная область», введенный в археологическую и палеогеографическую литературу П.М. Долухановым. По его определению, «природно-хозяйственная область — это территория, обладающая примерно одинаковыми естественными условиями производства на определенном уровне развития производительных сил» (Долуханов 1984: 13). Заметим, что по своей сути аналогичным ПХО является термин В.Р. Кабо «хозяйственно-экологическая зона», но понятие ПХО уже достаточно прочно прижилось в археологии.

Примечательно, что П.М. Долуханов для периода от 23 до 14 ТЛ объединил «все заселенные территории» Восточной Европы и Передней Азии в одну ПХО, но никак ее не назвал. В ней он выделил четыре подзоны: «1) средневысокие горы и литораль Передней Азии — преимущественно пещерные поселения, охота на лесную лань, косулю, джейрана, лошадь; 2) Балканские горы, Молдавская, Вольно-Подольская возвышенность — пещерные и открытые поселения в долинах рек, охота на мамонта, северного оленя, лошадь, собирательство; 3) Причерноморская низменность — временные стоянки открытого типа в долинах рек и лиманов, охота на бизона, зубра, тура; 4) Бассейны Среднего Днестра и Среднего Дона — крупные поселения постоянного типа, специализация охоты на мамонта, собирательство. Ученый ничего не сообщил о ПХО и подзонах других периодов, кроме того, что «в позднеледниковье происходит распад устойчивых экосоциальных систем», в том числе и «степной подзоны» (Долуханов 1984: 37—38).

На наш взгляд, объединение в одну ПХО территории от Киева до Израиля лишено смысла, так как с точки зрения географии она включает в себя разные природные области. Абсолютно ясно, что каждая из названных подзон имеет право называться отдельной ПХО, что сразу же заметил П.И. Борисковский.

Он сформулировал более «археологическое» определение ПХО (зонам) — это регионы, «где сходные природные условия создавали предпосылки для возникновения своеобразного хозяйственного уклада, отличающегося от хозяйственного уклада, пред-

¹ Парадокс в том, что этнографы изучают не типы хозяйства, а этносы. Так, в «Своде этнографических понятий» нет термина ХКТ (Свод... 1986), не говоря уже об археологических изданиях такого рода (Колпаков и др. 1990). Выход из ситуации нашел Л.Л. Зализняк, который предложил археологам не ждать, пока этнографы создадут модель необходимого ХКТ, а сделать это самим (Зализняк 1991: 62; 1998: 61).

ставленного в соседних областях. Такое сходство природных условий и форм хозяйства сказывалось и на сходстве материальной культуры. Каждая из природно-хозяйственных областей могла включать несколько культур. Но общность этих культур объясняется уже не единством их происхождения и не существованием между ними историко-культурных связей, а сходством окружающей среды, образа жизни и хозяйства носителей данных культур» (Борисковский 1984: 11—12)². По П.И. Борисковскому, примером подобной ПХО и ИКО одновременно является степная область, которую объединяют такие черты, как сходные формы хозяйства и сходный в некоторых общих чертах характер каменных орудий (Борисковский 1984а: 349—350).

Чтобы не возвращаться к этому вопросу, скажу, что, по моему убеждению, понятие ПХО не может заменить понятия ХКТ (и наоборот). Это категории разные и связанные только в том случае, когда для исторической реконструкции ученый-археолог применяет модель того или иного ХКТ (часто собирательную по данным из разных территорий) к материалам конкретной ПХО. Здесь уместно привести слова С. А. Васильева: «этнографическая реальность дает такое многообразие связей, которое археологу трудно даже представить» (1985: 49). Как видим, понятие ХКТ и его эквиваленты в принципе вообще могут не применяться в археологии. Кроме всего прочего, его использование связано и со степенью ущербности источниковой базы, так как замечена любопытная зависимость: чем меньше в распоряжении исследователя археологических материалов для реконструкции хозяйства и образа жизни населения, тем меньше проблем возникает у него при их интерпретации с применением модели того или иного ХКТ.

Исходя из определений П. М. Долуханова и П. И. Борисковского, под ПХО следует понимать абсолютно конкретное явление (точнее, совокупность явлений), которое может быть реконструировано по археологическим источникам и материалам смежных наук и дисциплин (палеонтологии, палинологии, геологии, палеогеографии, трасологии, экспериментального моделирования и др.).

ХКТ — это обобщенная (более абстрактная) модель хозяйства того или иного общества, построенная на основе данных этногра-

фии. Её элементы могут добавлять более яркие и конкретные черты характеристикам ПХО, но не могут их заменить, так как последние основаны, точнее сказать — должны быть основаны на реальных фактах (Сапожников, Сапожникова 2001: 25). В этом смысле понятия, которые описывают какую-либо модель (схему) образа жизни и хозяйства (например, модель адаптации), являются синонимами ХКТ и при необходимости также могут использоваться в археологии.

Концепция степной ПХО в той или иной степени была поддержана рядом археологов — И. Г. Шовкоплясом (1966), Н. Д. Прасловым (1989) и другими, но далее мы будем останавливаться только на тех работах, в которых проблемы ее выделения рассматривались специально и аргументированно в позитивном либо в негативном плане.

На такой историографической базе в 1983 г. под руководством П. И. Борисковского разработками проблем степной ПХО занялся автор этих строк. Наша позиция по этому вопросу изложена в целом ряде работ и сводится к следующему. В степной ПХО в период около 22 до 10 ТЛ существовало сезонное хозяйство *степных специализированных охотников на бизонов и других стадных животных*. На основании целого ряда показателей — особенностях сезонных миграций бизонов, северных оленей, лошадей, сайгаков и наличии или преобладании фаунистических остатков этих видов на тех или иных памятниках, присутствии или отсутствии пушной охоты, процентном соотношении основных групп изделий со вторичной обработкой (скребки, резцы и микроинвентарь), а также наличии таких конструктивных элементов поселений, жилищ и хозяйственно-бытовых комплексов (далее ХБК), которые можно трактовать как относительно долговременные или зимние (о чем свидетельствуют углубление жилищ, наличие вымосток, заслонов) и ряда других, поселения степной ПХО была разделена на две группы. К первой из них мы отнесли Амвросиевку, Большую Аккаржу, Анетовку II, Золотовку I, Миньевской Яр с монобизоньей фауной, сезон функционирования которых был определен как весенне-летний. Во вторую группу были включены Анетовка I, Сагайдак I, Кайстровая Балка II, Ямбург, Осокоровка I, Каменная Балка II, Мураловка и часть стоянок Рогаликско-Передельского района. Сезон функционирования этих поселений был определен как летне-зимний или осенне-зимний.

В качестве наиболее близкой этнографической аналогии степной ПХО была использована модель хозяйства и образа жизни индей-

² Позднее это определение было приведено в терминологическом словаре по археологии, но не для ПХО, а для «культурно-хозяйственной зоны» (Колпаков и др. 1990: 94).

цев юга и центра Великих равнин Северной Америки или собственно прерий, как это делают другие исследователи. При этом подчеркивалось, что полной аналогии между ними нет, да и быть не может, уже хотя бы потому, что в американских прериях отсутствовали дикие лошади и сайгаки, а северный олень карибу туда не заходит (Дворянинов, Сапожников 1975; Сапожников 1987: 12—14; 1989а; 1992; 1995: 158—172; 2003; 2003а; Сапожников, Сапожникова 1990; 2001; 2002; 2011: 124—126 и др.; Sapozhnikov 1989; Сапожников, Секерская 2001; и др.).

В то же время изучением проблем хозяйства степной ПХО на основе применения трасологического анализа занялись Г.Ф. Коробкова и Г.В. Сапожникова. Ими были исследованы коллекции каменных изделий ряда памятников юго-запада Украины: Анетовки I и II, Ивашково VI, Срединного Горба, Михайловки и Царинки. Позднее Г.Ф. Коробкова изучила изделия стоянки Каменка, а Г.В. Сапожникова — каменный инвентарь Большой Аккаржи и частично Амвросиевского костыща (Коробкова 1989; 1989а; 1998; Коробкова и др. 1982; Сапожникова 1986; 2005; 2007; и др.).

Из результатов этих работ отметим разделение памятников Северо-Западного Причерноморья (по соотношению различных функциональных групп орудий в комплексах) на весенне-летние (Срединный Горб, Царинка и др.) и осенне-зимние (Анетовка I, Ивашково VI, Каменка). Правда, сначала эти группы трактовались как охотничьи лагеря и базовые стоянки (Сапожникова 1986; Сапожникова и др. 1995: 145—147; Korobkova 1993; Коробкова 1998; Сапожников, Сапожникова 1990; 2011: 108—119, 123—124; Sapozhnikova, Sapozhnikov 2005; и др.). Кроме этого, в инвентаре Большой Аккаржи, Каменки и Ивашково VI были определены ножи для срезания дикорастущих злаков (Sapozhnikova 2005; Сапожникова 2007; Сапожников, Сапожникова 2011: 111—119).

Как видим, фактор сезонности охоты и вообще хозяйственной деятельности пронизывал всю жизнь населения степной ПХО, что прослеживается не только по данным археозоологии (Сапожников, Секерська 2001) и палинологии (Медяник, Сапожников 2003—2004; Medjanik, Sapozhnikov 2006), но и планиграфии, а также на основании анализа кремневого инвентаря, в частности, методами трасологического анализа. В настоящее время он не отрицается никем из серьезных исследователей, а различные проявления сезонности плодотворно изучаются на материалах позд-

него палеолита и мезолита не только зоны степей, но и других регионов (Васильев 1985: 50—51; Soffer 1985: 328—350; Соффер 1993; Леонова 1989; 1993; 2000; Leonova 1993; 1994; Сергин 1992; Нужный 1997; Беляева 2002).

Исследованию проблем хозяйства степной ПХО посвящено несколько работ А.А. Кротовой. Сначала исследовательница согласилась с точкой зрения П.И. Борисковского, написав о совпадении границ степной ИКО и ХКТ «охотников на степные виды животных». При этом А.А. Кротова не использовала понятия ПХО, а просто переименовала его в ХКТ. Уже в первых работах на эту тему автор интерпретировала стоянки с мезолитом фауной (Амвросиевку, Большую Аккаржу, Золотовку I) как «остатки стоябищ возле мест традиционной охоты в период миграций», а другие поселения (Мураловку, Каменные Балки, Анетовку II) — как «остатки основных мест обитания общин». Кроме этого, она допустила, что некоторые памятники бассейна Северского Донца являются сезонными, однако даже не привела их перечня (Кротова 1985: 15—16; 1986: 72).

В следующей статье А.А. Кротова уточнила свою типологию степных поселений. В ней стоянки первой группы связывались «с крупными сезонными охотами на бизонов», поселения второй группы рассматривались как места «более или менее долговременного обитания общины или группы общин», и была четко определена третья группа памятников (Янисоль, Ямы, Говоруха, Миньевской Яр, Кайстровые Балки I—III), которые рассматривались как «следы временного обитания небольшой группы или одной семьи в малообеспеченное продовольственными ресурсами время года, когда общины временно рассеивались». И на этот раз конкретные сезоны функционирования поселений трех групп не были названы, но был сделан вывод о том, что для образа жизни населения степей были характерны «сезонные перекочевки и консолидация и рассеивание общин». Из этой работы можно заключить, что А.А. Кротова не видит никакой разницы между ПХО и ХКТ, уверена, что именно ХКТ охотников на степные виды животных существовал в наших степях, а аналогию ему она нашла на Высоких равнинах США и Канады (Кротова 1988).

Позднее А.А. Кротова разделила поселения позднего палеолита бассейна Северского Донца на две группы: 1) памятники со сложной, но достаточно четкой структурой (Ямы, Говоруха, Миньевской Яр), интерпретированные как базовые, но недолговременные стоянки, отдельные сезонные семейные ХБК;

2) памятники с простой структурой (Демино-Александровка XII), сопоставимые с кремнеобрабатывающими мастерскими (Кротова 1992; ср.: Кротова 2002).

В начале 1990-х годов А. А. Кротова значительно видоизменила свою позицию, используя идею о хронологических срезах В. П. Степанова, а также замечание М. И. Гладких о необходимости учета неоднократных изменений природной среды на территории Восточной Европы. На основании своей периодизации памятников зоны степей, связанной с природно-климатическими этапами, А. А. Кротова разработала схему развития хозяйства и образа жизни населения степной зоны в позднем палеолите. По ее мнению, во время формирования дофинновского лесового горизонта (около 30—21 ТЛ) в современной зоне степей преобладала лесостепная растительность, промысловых животных было недостаточно, и это заставляло коллективы часто менять места своих базовых лагерей и вести подвижный образ жизни. Для более холодного периода (21—16 ТЛ) в условиях сухих перигляциальных степей с обилием промысловых животных их население в ходе коллективных загонных охот могло создавать большие запасы пищи и долго оставаться на одном месте. В это время охотники специализировались на добыче бизонов, и их поселения имели выраженный сезонный характер. В позднеледниковье численность крупных копытных животных снова уменьшается, что якобы привело к появлению неспециализированной охоты, исчезновению крупных базовых лагерей, преобладанию временных стоянок и к более подвижному образу жизни населения (Кротова 1994: 22—23).

В этой же работе А. А. Кротова попыталась определить сезоны существования ряда памятников на основе критериев западных исследователей, описанных в известной монографии О. Соффер (Soffer 1985: 328—350). Так, для Мураловки, Сагайдака, Ям и Говорухи было определено время обитания в мае-октябре, для Лесков, Золотовки, Анетовки I, горизонта IV-б Осокоровки — в ноябре-апреле, а для Амвросиевки, Анетовки II, Каменной Балки II допускалось неоднократное заселение в альтернативные (как в холодные, так и в теплые) сезоны (Кротова 1994: табл. 1).

Приведем еще одну типологию степных поселений того же автора: 1) крупные базовые лагеря — места пребывания нескольких семей или общин на протяжении сезона (Анетовка II, Амвросиевка, Каменные Балки I и II, Золотовка, Большая Аккаржа, Федоров-

ка); 2) небольшие базовые лагеря — места проживания 1—2 семей, возможно, на протяжении 1—2 месяцев; 3) местонахождения целевого назначения: охотничьи лагеря (Лески), стоянки охотничье-сырьевых экспедиций (Югино II), места массовых охот и переработки добычи (костица Амвросиевки и Анетовки II), места охоты на одиночных животных (Куйбышево VI). Очевидно, что данная типология вступила в противоречие с более ранним вариантом. Теперь почти все памятники рассматриваются как базовые, а определение Анетовки II как костица (места забоя животных) (Кротова 1994: 26) настолько оригинально, что не разделяется никем из исследователей. Правда, А. А. Кротова заметила и некоторые противоречия своей схемы — «среди памятников третьего периода известно несколько достаточно крупных базовых стоянок — Каменные Балки и Федоровка», а также факт преобладания бизонов над лошадьми в основном слое Каменной Балки II. Ища им объяснение, она подчеркнула, что эта схема «имеет как очень общий, так и в определенной мере гипотетический характер» (Кротова 1994а: 153—154), с чем трудно не согласиться.

Проблемы сезонности конкретных памятников региона будут рассмотрены ниже, а здесь скажем несколько слов о функциональной типологии степных поселений. Очевидно, что подразделение стоянок на базовые и охотничьи, которые использует не только А. А. Кротова, но и ряд других ученых, малопродуктивно уже потому, что для этого нет надежных критериев, даже при использовании данных полного трасологического анализа кремневого инвентаря.

Если же исходить из факта, что основной структурной единицей степных поселений были семейные сезонные жилища (ХБК) (Сапожников, Сапожникова 2002), то гораздо важнее было бы как можно точнее определить конкретные сезоны их функционирования, а также попытаться вычислить количество их наложений друг на друга (если они имели место). При этом сезонность памятников следует определять на основании существующего набора археологических фактов (Monks 1981: 5—6), а не исходя из характеристики годового цикла модели ХКТ, разработанной на материалах неверных или сомнительных этнографических параллелей, описанных в несопоставимых природных зонах.

Более перспективным представляется использование разработок этнографа В. Мюллера-Вилле, который разделил места обитания людей по одному признаку — дли-

тельности использования. Им выделены: эфемерные (несколько дней); временные (несколько недель); сезонные (несколько месяцев); полупостоянные (несколько лет) и постоянные (несколько поколений) стоянки (Muller-Wille 1954). Эту идею развили Ю.И. Семенов (1973: 56—57) и Б.В. Андрианов (1985: 44—49), но они, к сожалению, не выработали единой концепции форм подвижности первобытных коллективов. Ю.И. Семенов полагал, что для охотников Восточной Европы в позднем палеолите характерна сезонная или переменная оседлость с использованием сезонных сельбищ, хотя не исключалось и наличие стойбищ (Семенов 1973: 58). По В. Мюллер-Вилле, это временные или сезонные поселения, которые являются местами обитания одной или нескольких семей, а так называемые эфемерные поселения также могли существовать, но в степной зоне такие стоянки пока не известны.

А теперь рассмотрим разработки Л.Л. Зализняка, который применяет концепцию ХКТ с начала 1980-х гг. Как синоним ХКТ он иногда использует понятие «модель адаптации», а вместо термина ПХО — «природно-климатическая» или «природно-ландшафтная зона». Всего на территории Украины для позднего палеолита и мезолита он выделил восемь ХКТ, а в азово-причерноморских степях в позднем палеолите — ХКТ «степных охотников на бизонов» (Зализняк 1988: 14), хотя позднее назвал его ХКТ «степных охотников плейстоцена». В ряде работ автор дал описание этого ХКТ (Зализняк 1996; и др.), но наиболее детально и системно он охарактеризован в монографии «Передісторія України» (Зализняк 1998: 78—84).

Итак, Л.Л. Зализняк пришел к выводу, что охотничья специализация сложилась в азово-причерноморских степях около 20 ТЛ. Он подчеркнул, что сезонные миграции копытных животных «жестко регламентировали как сезонность поселенческой структуры, так и годовой хозяйственный цикл степных охотников». Ученый также подразделил поселения степной зоны на зимние и весенне-летние. Первые состояли, по его мнению, из места забоя животных, площадки для разделки туш и собственно поселения-стойбища, хотя ученый склоняется к интерпретации Амвросиевских стоянки и костяка как весенне-летних объектов. Л.Л. Зализняк считает ХБК Большой Аккаржи и других памятников региона семейными и допускает, что общины степных охотников состояли в среднем из 5—7 семей общей численностью около 30 человек, которые летом распада-

лись на меньшие охотничьи группы (1—3 семьи). Последние промышляли бизонов индивидуально на летних водораздельных пастбищах. Кроме этого, Л.Л. Зализняк полагает, что данная модель адаптации (ХКТ) прошла три этапа (формы) своего развития, обусловленные изменениями природной обстановки. С 20 до 13 ТЛ она существовала в форме специализированных охотников на бизонов. С 13 до 10 ТЛ место бизонов занимает дикая лошадь, которая становится в это время основным промысловым видом, а третий этап, датированный мезолитом, отражает кризис степного ХКТ (Зализняк 1998: 78—84).

В конце 1980-х годов под прямым влиянием западных ученых (Л. Бинфорда, К. Бутцера и др.) в СССР начали использовать термин «адаптация» с уточнениями: «культурная адаптация», «социальная адаптация», «модель адаптации», в частности, «степная модель адаптации» (Сапожников 1989а) и др. Заметим, что одним из инициаторов этого стал В.М. Массон (1989), которому удалось тогда даже провести советско-американский симпозиум на эту тему. В принципе, такой подход не отличается от концепции ХКТ. Однако, в исследованиях позднего палеолита Восточной Европы он не прижился, хотя некоторые авторы, в том числе и автор этих строк, не смогли противостоять веяниям времени и личному авторитету Вадима Михайловича.

Тогда же П.М. Долуханов начал не просто использовать модную терминологию, но и пересмотрел свои взгляды. Согласно его новой концепции, около 23—16 ТЛ в Европе сложились две модели адаптации. В приатлантической Европе и на большей части средиземноморского бассейна была выделена «средиземноморская модель», основанная на эксплуатации ресурсов ландшафтов горнолесного типа. Вторая, «перигляциальная модель», по его мнению, охватывала «большую часть Центральной и Восточной Европы. Эта модель основывалась на эксплуатации ресурсов ландшафтов перигляциально-степного типа. Схема расселения определялась освоением высоких террас и окраин водоразделов в районах озеровидных расширенных долин рек. Прослеживается иерархическая система поселений с выделением крупных центров» (Долуханов 1989: 18; Dolukhanov 1993).

Позднее В.М. Массон попытался методологически обосновать иной — «адаптивный» подход. Все процессы, связанные с приспособлением первобытного человека к условиям природной среды и обратным влиянием человека на природу, он называет социокуль-

турной адаптацией. По его мнению, ее можно подразделить на более узкие (но не более конкретные) понятия: хозяйственную адаптацию (стратегию), бытовую адаптацию и социальную адаптацию, которые, в свою очередь, проявлялись в разных регионах в виде различных моделей или хозяйственных стратегий. К сожалению, эту концепцию можно считать лишь общей теоретической схемой, так как ее автор не привел перечня хозяйственных стратегий даже для позднего палеолита Восточной Европы. Примечательно, что, говоря о степных охотниках, он использовал термин «степная зона». Ее аналогом В. М. Массон назвал «культурно-хозяйственный тип палеоиндейских культур юго-запада США» (Массон 1996: 15—21), что в принципе является верной, но не расшифрованной параллелью.

В. Н. Станко уклонился от однозначной оценки концепции П. П. Ефименко и П. И. Борисовского о степной области, ограничившись на этот счет лишь отрывочными замечаниями. Но в 1990 году он высказал сомнения по поводу правильности нашей схемы сезонности степных памятников, не приведя никаких контраргументов, а также заметив, что А. А. Кротова и автор этих строк «не учитывают динамики изменения природного окружения и демографической ситуации» (Станко 1990: 13). Напомним, что о необходимости этого задолго до него говорили Г. М. Левковская (1974), В. П. Степанов (1976), М. И. Гладких (1977) и др.

Особое внимание В. Н. Станко уделил эволюции охоты на бизонов, подчеркнув, что на протяжении всего плейстоцена бизон был объектом охоты на всей территории Украины, а о специализированном хозяйстве охотников на бизонов можно уверенно говорить лишь со времени максимума вюрмского оледенения. Исчезновение бизона в степях он объясняет в первую очередь его истреблением человеком, а также изменениями природной обстановки на границе плейстоцена и голоцена. При этом отмечается нерациональный (хищнический) характер охот на бизонов в Амвросиевке и Анетовке II. Что касается конкретных памятников, то Амвросиевка интерпретировалась как базовый лагерь с ритуально-промысловым комплексом, Большая Аккаржа и Каменная Балка II — как охотничьи лагеря многоразового использования, а Анетовка II — как единственный (долговременный и многолетний) ритуально-производственный центр, использовавшийся обитателями нескольких поселений, расположенных по соседству (Станко 1996; 1997; 1999).

В этой позиции наибольшие сомнения вызывает интерпретация Анетовки II, так как не раскрыт процесс использования так называемого «ритуально-производственного центра» (в котором найдены все категории кремневого и костяного инвентаря, многочисленные кости убитых и утилизированных животных) обитателями соседних поселений (другие стоянки времени Анетовки II в ее окрестностях отсутствуют) (Смолянинова 1989; 1990). В целом же вся логика предложенной В. Н. Станко схемы эволюции природно-экологической обстановки в зоне степей на протяжении позднего палеолита и мезолита сводится к одному — стремлению любой ценой доказать «постепенное нарастание кризисной палеоэкологической ситуации в степном Причерноморье» (Станко 1989: 29).

Концепция кризиса охотничьего хозяйства косвенно связана с положением о степной ПХО, и потому ее нельзя обойти вниманием. Напомним, что еще в начале 1920-х годов В. А. Городцов написал о том, что хищнические способы ведения охоты и рост населения, наряду с рядом географических факторов, привели к кризису, выход из которого был найден в новых формах хозяйства — рыболовстве и приручении животных (Городцов 1923: 256—257, 311—312). Сейчас в обобщенном виде ее суть заключается в том, что в конце плейстоцена или в начале голоцена под влиянием изменений природных условий и в результате массовых загонных охот (пример — Амвросиевка) была подорвана пищевая база, что привело к необходимости поиска новых форм охоты и хозяйства и, в конечном итоге, к возникновению производящей экономики (Румянцев 1985: 26—29). Иногда говорят о двух кризисах (Гладилин 1974) или даже целый их цепи (Зализняк 1984: 4—5).

Поскольку подробный анализ кризиса охотничьего хозяйства не входит в круг наших задач, рассмотрим один из примеров его интерпретации, основанный на материалах зоны степей. Речь идет о работе В. Н. Гладиллина, который отметил хищнический характер охоты в позднем палеолите, поскольку «число убитых зубров в Амвросиевке превзошло возможности рационального использования их древними охотниками». Далее следует любопытный по логике пассаж: «Не удивительно, что число этих животных стало сокращаться. Успешная охота все более и более становится делом случая. Кости зубров, найденные на такой финальнопалеолитической стоянке, как Большая Аккаржа под Одессой, оказались мелко раздробленными с целью извлечения костного мозга, что свидетельствует о стремлении па-

леолитических охотников получить из убитых животных все возможное для питания» (Гладилин 1974: 76—77). Сомнительность этой схемы очевидна даже не потому, что Амвросиевка и Большая Аккаржа одновременны, а потому, что на Амвросиевской стоянке (в отличие от костыща) кости бизонов были раздроблены в еще большей степени. То есть, автор сравнил между собой два объекта разного функционального назначения.

Особое отношение к концепции степной ПХО у сторонников степной ИКО. Так, М. В. Аникович признавал южную (степную) ИКО охотников на бизонов; юго-западную (Днестровско-Прутскую) ИКО охотников на северных оленей и юго-восточную (Днепродонскую) ИКО охотников на мамонтов (Аникович 1992; 1998; 2001). Таким образом, ученый допускал прямую зависимость или, по крайней мере, взаимосвязь между природно-хозяйственными характеристиками территории названных ИКО и особенностями типологии каменных индустрий различных АК, которые в них выделяются.

В нескольких работах рассматриваемых проблем коснулся Н. П. Оленковский. В одной из них он заявил, что концепция ХКТ вообще не имеет право на использование в археологии, так как «не может заменить такие традиционные понятия, как культурная область, хозяйственная зона и другие». По его мнению, «хозяйственная специфика степной зоны Северного Причерноморья наиболее емко может быть выражена термином «особый природно-хозяйственный уклад жизни» (Оленковский 1989: 14; 1995; 95), но не уточнил, в чем суть данного понятия. Что же касается «традиционности» терминов, то легко заметить, что как раз названные почти никем не использовались, а традиционными, вернее, наиболее употребимыми, являются такие понятия, как ИКО и ПХО (редко — «зона»).

В 1980-х гг. изучением степной ПХО занялся Е. В. Миньков. Хотя он и не создал модель «охотничьего хозяйства южнорусских степей», но использовал методику исследований, которая позволила сделать интересные выводы. В основе его методов определения сезонности поселений лежат наблюдения этноархеологов на Аляске и материалы многочисленных *kill sites* Высоких равнин США и Канады. Автор утверждает, что осенью охотники используют практически все части туш убитых животных, а весной — только отдельные, наиболее вкусные и калорийные. Е. В. Миньков пришел к заключению, что охота на Анетовке II происходила главным образом весной, хотя в целом люди жили

на ней в течение «значительной части года». О Мураловке, Золотовке I и горизонтах II—III Осокоровки I сказано, что они «представляют собой какие-то виды базовых лагерей с простой структурой культурного слоя». На Каменной Балке II отмечено использование поселения в течение двух «альтернативных сезонов», причем объем охотничьей добычи «не превышал допустимого уровня и не создавал угрозы перепромысла». Кстати, последний вывод распространяется на Амвросиевку и Анетовку II. В итоге Е. В. Миньков заключил: «структура охотничье-собирающего хозяйства и направленность культурно-исторических процессов позднего палеолита южнорусских степей имели общий со всей Восточной Европой характер» (Миньков 1993: 51, 52). В общем, позицию автора (Миньков 1990; 1991: 9—10, 12—13, 16—18; Leanova, Min'kow 1988) следует рассматривать как выражение отношения московской школы М. Д. Гвоздовер и Н. Б. Леоновой к концепции степной ПХО³.

Такой подход нуждается в комментариях. Дело в том, что ряд конкретных заключений Е. В. Минькова (в отличие от выводов, которые из них не вытекают) не только не противоречит позиции автора статьи, но часто на ней основывается. Однако, возможно, под давлением своих более «авторитетных коллег», он почему-то подверг резкой критике не те моменты, по которым у нас есть разногласия, а в целом «украинских археологов», которые так или иначе касались этой темы. С его легкой руки в одну команду вместе со мной попали Л. Л. Зализняк, А. А. Кротова и В. Н. Станко, хотя наши взгляды на степную ПХО трудно назвать монолитными и согласованными. Из российских приверженцев степной ПХО или ИКО Е. В. Миньков одних пожурил (Н. Д. Праслова), а других даже не вспомнил (М. В. Аниковича) (Миньков 1993: 19—25).

Вернемся к критике Е. В. Минькова в мой адрес. Он полностью отверг тезис о связи сезонности памятников с их геоморфологическими позициями, не назвав ни одного зимнего поселения степи, расположенного на плато, что не удивительно, так как их нет. В целом мои определения сезонности памятников названы умозрительными и основанными только на сезонах миграций животных (Миньков

³ Наш вывод подтверждается тем, что основные моменты цитированной статьи Е. В. Минькова 1993 г. практически без изменений были сравнительно недавно опубликованы повторно, но уже вместе с Н. Б. Леоновой (Леонова и др. 2006: 243—263).

1993: 28—31). Это неправда, так как сезон функционирования того или иного поселения определен мной на основании анализа комплекса признаков. Возникает встречный вопрос — если такая методика неверна, то почему в большинстве случаев Е. В. Миньков пришел к аналогичным выводам?

Сама Н. Б. Леонова долго не высказывалась против своеобразия памятников зоны степей, ограничившись словами, что для выяснения характера культурных слоев Большой Аккаржи и Амвросиевки (стоянки) необходимо проведение микростратиграфических исследований (Леонова 1989: 33). Чуть позже она заявила: «Изучение насыщенных культурных слоев этих памятников (Каменных Балок I—II) с большим количеством очагов, мощных производственных центров, остатками строительных конструкций внесло существенные изменения в концепцию “степной зоны”, которая предполагает отсутствие в степях Северного Причерноморья долговременных поселений и преобладание кочевого образа жизни. Археологические материалы каменнобалковской культуры опровергают такие выводы» (Леонова 1990).

В 1990-х гг. Н. Б. Леонова на основании материалов «базовой стоянки» Каменная Балка II уточнила свой подход, написав: «факты не позволяют выделять степную зону как территорию специфической экономико-культурной адаптации охотников на бизонов, которая вынуждала их вести чрезвычайно подвижный образ жизни» (Леонова 1993: 90—91; см. также Леонова 1993; 1994). Такой вывод является простой калькой с позиции М. Д. Гвоздовер 1960-х гг., и для того, чтобы его сделать, совершенно не обязательно было проводить широкомасштабные раскопки на Каменных Балках. Сама Н. Б. Леонова не утруждает себя разбором подходов отдельных авторов, поручив эту неблагодарную работу Е. В. Минькову. Ее конкретные разработки свелись к неудачной попытке доказать возможность заселения зоны степей только в периоды потеплений (Леонова 1996; 2002: 54; 2003). Из более оригинальных идей можно назвать вывод о том, что «жители перигляциальных степей строили относительно легкие наземные жилища из шкур лошадей и бизонов, укрепляя их на каркасах и придавливая полы к земле костями тех же животных» (Леонова 1993: 79).

Таким образом, Н. Б. Леонова признала, что один из основных и традиционных элементов культуры населения зоны степей имел свою яркую специфику. Позже она объяснила этот факт более мягким климатом зоны степей (по сравнению с северными районами), «ины-

ми экономическими условиями и отличными культурными традициями» (Леонова 2003: 24). В связи с этим возникает вопрос: если это не признание существования (вместе и одновременно) и степной ПХО, и ИКО, то что же это такое?.

Говоря о Каменных Балках, следует признать: их интерпретация затруднена тем, что авторы раскопок до сих пор не опубликовали полного списка фаунистических остатков даже по Каменной Балке II, не говоря уже о других памятниках. Только недавно мы узнали, что там представлен северный олень, но неизвестно, какой именно костью (табл. 1) (ср.: Леонова 1999: 88; Леонова и др. 2006: 219). Открытым остался и вопрос, какие виды животных отмечены в Каменной Балке I. Мне он представляется важным, так как в свое время М. Д. Гвоздовер сообщила, что ее «немногочисленные остатки состоят из раздробленных костей зубра и бурого медведя» (Гвоздовер 1964: 38).

Итак, Н. Б. Леонова, пользуясь тезисами М. Д. Гвоздовер, критиковала взгляды П. П. Ефименко и П. И. Борисковского начала 1960-х гг. и лишь недавно обратила внимание на работы других авторов. При этом она не заметила, что П. И. Борисковский сам давно уточнил свои подходы, сказав, что в степях отсутствовали долговременные жилища в том виде, как у охотников на мамонтов, а охота на бизонов преобладала, но не была исключительной (Борисковский 1989; Boriskovsky 1993: 146). Но главное — она не учла, что, благодаря многолетним усилиям целого ряда ученых, в том числе М. Д. Гвоздовер, самой Н. Б. Леоновой и их учеников, источниковая база по позднему палеолиту региона существенно расширилась, а к концепции степной ПХО нельзя относиться так же, как полвека тому назад.

В конце 1980-х гг. к проблемам хозяйственной специфики зоны степей обратился Г. Е. Краснокутский, который рассмотрел их в кандидатской диссертации (Краснокутский 1992) и монографии (Krasnokutsky 1996). Он полагает, что создал так называемую «причерноморскую палеолитическую модель адаптации», хотя параллельно использует и термин ХКТ «охотников на бизонов и других копытных животных», не пояснив различия между ними (Краснокутский 1992: 11, 17 и др.). На анализе позиций Г. Е. Краснокутского мы вынуждены остановиться подробнее, так как его разработки претендует на наибольшую полноту.

Для начала скажем, что Г. Е. Краснокутский почему-то сузил круг проблем степной ПХО,

Таблица 1 (окончание).

Лока	Уровни	Памятники	бизон	лошадь	мамонт	шерст. носорог	сев. олень	благ. олень	козуля	тиг. олень	сайган	кабан	бурый медведь	пещ. медведь	пещ. лев	волк	гиена	песец	лисица	росомаха	заяц	бобр	барсук	байбак		
Заключительная	нижний	Говорука	+																							
		Миньеской Яр	+																							
		Нововладимировка II	3/1	1/1																						
	средний	Владимировка, слой 3		+				+											+						+	
		Дмитриевка верхний слой		+																						
		Каменная Балка II, средний слой		+				1/1																		
		Ямбург II-а, III-а		+					+																	
		Дубовая Балка		+													+									
		Кайстровая Балка I		+																						
		Кайстровая Балка II		+																						
		Кайстровая Балка III		+																						
		Каменная Балка I		+																						
		Рогалик VII		+																						
		Соленое Озеро IX		+																						
		верхний	Владимировка, слой 2-1		+																					
Рогалик III-в			+																							
Рогалик III-а			+																							
Рогалик II-а			+																							
Рогалик XII			+																							
Михайловка		+?																								

* При составлении использованы работы (Черниш 1953; Підопличко 1956; Векилова 1957; Борисковский, Праслов 1964; Смолянинова 1990; Кротова 1994а; Секерська 1999; Степанчук та ін. 2004; и др.).

ограничившись изучением охоты на бизонов. В целом верно описав различные способы охоты на этих животных, он определил сезоны их проведения по параллелям с индейскими и палеоиндейскими охотами Высоких равнин, а не южных прерий. Неверное определение сезонов разных видов охот повлекло за собой серию ошибок. Наиболее серьезные возражения вызывает годовой хозяйственный цикл, представленный исследователем. Он полагает, что основным сезоном загонных охот на бизонов были осень и начало зимы, но единственный известный в регионе памятник загонной охоты — Амвросиевское костыще — использовалось, по его же мнению, весной. Более оригинальной является идея автора связать конкретные памятники с разными видами охоты. Так, в овраг бизонов загоняли не только в Амвросиевке, но и в Анетовке II и в Каменной Балке II; в Анетовке I и Большой Аккарже животных били на переправах; а в Сагайдаке I, Осокоровке I, Кайстровых Балках I—IV, Мураловке и Золотовке I практиковались «смешанные виды охоты, преимущественно индивидуального характера» (гон, скрад, окружение и даже «мясное собирательство»). Исходя из этого, он разделил все памятники степей на две группы. В первую из них входят Амвросиевка (!?), Анетовка II и Каменная Балка II), использовавшиеся в конце осени и начале зимы, которые отличаются «богатými фаунистическими комплексами, насыщенные кремневыми изделиями» и оставлены «целыми общинами из отдельных семей». Ко второй группе (сезон не назван) отнесены «более многочисленные стоянки с небольшой плотностью и мощностью культурного слоя, иногда со следами легких жилищ и с количеством фауны, неспособной прокормить обитателей более 1—3 месяцев». Это — Сагайдак I, Федоровка, Мураловка, Золотовка I — все с «простой планиграфической структурой» (Краснокутский 1992: 11, 15).

В целом, из работ Г.Е. Краснокутского можно узнать о способах охоты на бизонов, методах их разделки и даже о годовом цикле этих животных, но все это детально описано в целом ряде книг и статей американских и канадских исследователей. В то же время, ему не только не удалось охарактеризовать специфику хозяйства степной ПХО, но даже создать его более или менее приемлемую модель (ХКТ). Так, в них не отражена охота на другие виды животных (лошадь, северного оленя, сайгака и др.), по-видимому, потому, что они не живут на Высоких равнинах. В них отсутствует также определение сезо-

нов функционирования целого ряда памятников.

А.Ф. Горелик стал одним из немногих ученых, который, не согласившись с нашей точкой зрения, попытался аргументированно ее опровергнуть. Речь идет о сезонной интерпретации Роголикских памятников, хотя следует сразу же сказать, что с предложенным нами осенне-зимним сезоном для горизонтов II и III Осокоровки и отчасти Каменной Балки II он, тем не менее, согласился. Как верно заметил ученый, «аргументы И.В. Сапожникова отчасти являются следствием недостаточного знакомства с результатами исследований памятников Роголикско-Передельского района, которые к моменту написания его трудов были еще мало опубликованными» (Горелик 2001: 276—279).

Однако и после выхода монографии об этих памятниках (Горелик 2001) мое отношение к ним не изменилось. Так, жилища, ХБК разных типов и поселения Роголикско-Передельского района, на мой взгляд, использовались в разные сезоны года, о чем говорит и их разное геоморфологическое положение, но преимущественно осенью и зимой. Более того, наличие углубления пола на 15 см в жилище Роголика II-B (Горелик 2001: 46—47, рис. 15: 1), является настолько ярким зимним признаком, что на его фоне все рассуждения автора о двух моделях миграций диких лошадей в широтном и меридиональном направлениях, со сносками на работы археологов (а не на биолога Л.М. Баскина), выглядят малоубедительными. Если же вспомнить сообщение И. Тунманна об охотах в наших степях ногайцев в XVIII в. на диких лошадях «осенью, когда почва болотиста» (Тунманн 1990: 52—53), то все упоминания об охоте на диких лошадей мадленцев Германии (Горелик 2001: 279) становятся далекими параллелями.

Кстати, проведение такой аналогии осложнено наличием на юге Германии горных ландшафтов, что как раз и предполагает миграцию лошадей на северные равнины в осенне-зимние месяцы. Сноска автора на мнение О. Соффер (Soffer 1985: 195) еще менее корректна, так как оно основано на выводе Н.Л. Корниец, которая допускает, что охотники на мамонтов севера Украины могли добывать диких лошадей в августе (Корниец 1962: 157—158). Но ведь это только лишний раз подтверждает наш вывод о том, что эти животные достигали зоны степей как раз к осени (Сапожников 1995: 161—165).

В середине 1990-х годов к рассматриваемой проблеме вернулись М.И. Гладких и В.Н. Станко. Согласно их новому видению,

в позднем палеолите «на территории Украины можно проследить три хозяйственно-адаптивных уклада, которые условно можно определить как охотники на мамонта (Среднее и Верхнее Поднепровье), охотники на бизона и лошадь (степная зона), комплексные охотники со значительным развитием собирательства (Поднепровье). В конце позднего палеолита в Полесье появилось большое количество охотников на северного оленя» (Гладких, Станко 1997: 74—75).

Тогда же по этому поводу высказалась и Г. В. Григорьева, признавая, что кости бизонов присутствуют и даже преобладают на большинстве памятников азово-черноморских степей, датированных от 20 до 17 ТЛ. Тем не менее, она продолжает настаивать на том, что население здесь было разнокультурным, а особенности исторического процесса того времени в этом регионе определялись главным образом миграциями, исходя из чего степную зону можно рассматривать как контактную (Grigorieva 1999).

Следуя в фарватере идей предыдущего автора, Ю. Э. Демиденко назвал зону степей «проходным двором» (Демиденко 2001: 41), а позднее, уже вместе с Д. Ю. Нужным, написал: «известные попытки выделения особой степной зоны... методически или некорректны, или более чем преждевременны». Правда, в той же статье сказано, что в Северном Причерноморье «четко прослеживается природная доминанта», так как бизоны и лошади были здесь основными объектами охоты (Демиденко, Нужный 2003—2004: 521—522). Этим было показано, что Ю. Э. Демиденко не видит никакой разницы между степными ИКО и ПХО, но существование второй из них не отрицает.

Таким образом, обзор историографии позволяет сделать вывод, что сегодня большая часть ученых, причем не только палеолитоведов, но и палеогеографов, археозоологов, этнографов и историков первобытного общества полностью либо в каких-то аспектах признает существование степной ПХО в позднем палеолите, хотя при этом они определяют ее специфику разными понятиями, среди которых в украинской науке более распространен термин ХКТ (см. Сапожников, Сапожникова 2001). Нам трудно даже назвать авторов, которые бы полностью отвергли это положение, за исключением, пожалуй, Н. Б. Леоновой и Е. В. Минькова, да и то с существенными оговорками.

В свете сказанного нонсенсом звучат слова К. Н. Гаврилова, что если уж поставить вопрос «относить ли территории Северного

Причерноморья и Приазовья к единой степной зоне или нет, то для отрицательного ответа достаточно было бы обратиться к результатам работ М. Д. Гвоздовер, Г. В. Григорьевой и В. Н. Станко» (Гаврилов 1997: 203—204). При этом удивляет не то, что В. Н. Станко попал-таки в список противников концепции степной ПХО, для чего, как мы видели, нет веских оснований, а то, что исследователь неожиданно заявил следующее: «само по себе наличие базовых стоянок не снимает с повестки дня необходимость анализа именно этой специфики (материальной культуры — И. С.) и тех границ, в рамках которой она выявляется» (Гаврилов 1997: 204). Следовательно, К. Н. Гаврилов полностью отрицает природно-хозяйственные, но признает культурно-исторические особенности позднего палеолита зоны степей Восточной Европы, а это уже новый взгляд на старые вещи.

2. Характеристика степной природно-хозяйственной области

На наш взгляд, на современном этапе исследований главная проблема заключается в том, что в существующих реконструкциях степной ПХО в позднем палеолите есть немало противоречивых аспектов, которые обусловлены как состоянием археологических источников, так и привлечением в качестве аналогий несопоставимых этнографических и археологических материалов с других территорий. Вместе с тем, открытыми или не до конца проясненными остаются территориальные рубежи области, периодизация и формы специализации охоты, реконструкция годового хозяйственного цикла и др. Ясно, что эти вопросы отнюдь не второстепенны и требуют специального анализа.

Возникновение, границы и этапы развития. Выше были названы все поселения, которые упоминались разными авторами в связи с выделением степной ПХО. Для наглядности данные о них сведены в таблице. Нетрудно убедиться, что почти все они датируются не ранее 22 ТЛ и не позднее 12—11 ТЛ, то есть, средней и заключительной порами позднего палеолита. Из более ранних памятников с фаунистическими остатками в степях известен комплекс находок из пещеры Ильинка под Одессой (Сапожников, Сапожникова 2011: 39—43) и стоянка Мира в Нижнем Поднепровье (Степанчук и др. 2004) (см. табл. 1).

Это говорит о том, что идея А. А. Кротовой о преобладании в Северном Причерноморье и Приазовье в дофиновское время лесостепных ландшафтов, в которых ощущался недо-

статок крупных копытных животных, что и привело к более подвижному образу жизни населения на раннем этапе позднего палеолита (Кротова 1994: 22), лишена оснований, так как лошади и отчасти бизоны уже тогда были обычной добычей степных охотников. Более того, остепненные биоценозы были характерны для юга Восточной Европы и ранее. Так, на мустьерской стоянке Ильская I в Прикубанье были найдены остатки бизонов, диких лошадей и ослов, сайгаков, гигантских оленей, волков и других животных, причем бизоны (1334 костей от 58 особей) составляли там 92% из всех млекопитающих (Hoffecker et al. 1991).

Приведенные выше факты говорят о том, что степная ПХО существовала на протяжении всего позднего палеолита и значительно ранее, но пока у нас имеется слишком мало материалов, свидетельствующих о хозяйстве региона для времени ранее 22 ТЛ. Исходя из данных палеонтологии, во время раннего, среднего и большей части заключительного этапов позднего палеолита в степях Восточной Европы не прослеживаются какие-либо кардинальные изменения в составе фауны крупных копытных, хотя растительность в теплые фазы ляска и аллереде изменялась гораздо более существенно. Можно отметить, что памятники с монобизоньей фауной (Золотовка I, Большая Аккаржа, Амвросиевка, Федоровка — слой 2, Миньевской Яр, Кайстровые Балки III и IV) или с преобладанием этого вида животных (Анетовка II, Каменная Балка I) датируются от 22 до 13 ТЛ. Вместе с ним, но и ранее (Мира), и позднее в фауне поселений присутствуют лошадь, сайга и северный олень вблизи границы с лесостепной ПХО. Лишь в конце плейстоцена на западе зоны степей появляется новый вид животных — тарпан (Михайловка-Белолесье), а лошадь начинает преобладать над бизоном (Рогаликские стоянки), хотя в это время присутствует и бизон (табл. 1) (Сапожников 2003б; Sapozhnikov 2006; и др.). Последнее наблюдение в принципе подтверждает точку зрения Л.Л. Зализняка о том, что в период с 13 до 10 ТЛ место основного промыслового животного в степи, которое ранее принадлежало бизону, занимает дикая лошадь (Зализняк 1998: 84).

Зональность степной ПХО. Итак, бизон является единственным или фоновым видом для подавляющего большинства северочерноморских памятников основного периода развития степной ПХО (от 22 до 13 ТЛ). В это время на всей территории степи он сосуществовал с дикой лошадью (Сагайдак I, Анетовка I

и II, Мураловка, Осокоровка V-а, Ямы, Вознесенка IV, Осокоровка II, Дмитриевка, Нововладимировка II, Кайстровые Балки I и II, Дубовая Балка, Каменная Балка II), которая встречается как в северной, так и в южной подзонах. Более того, в Говорухе на р. Лугани отмечены только кости лошади (зубы), но в очень небольшом количестве (табл. 1).

Эти факты опровергают мнение Г.Е. Краснокутского о существовании «южной зоны влаголюбивых степей, где бизон уже потесняется лошадью» (Краснокутский 1992: 7). Во-первых, по данным палинологии, южные степи следует определять как более засушливые (Сапожников 2003б), а во-вторых, если «южная подзона степей» существовала, то с иными критериями — преобладанием ксеротической травяной растительности и почти полным отсутствием северного оленя. Это животное отмечено в раннем, основном и заключительном этапах развития степной ПХО в северной подзоне степей (Анетовка I и II, Мира и ряд других памятников Надпорожья, Рогалик II-а и XII) (табл. 1).

Что касается природной зональности зоны степей на протяжении последнего этапа существования степной ПХО, то известные попытки ее реконструкции (Станко 1992; Смынтына 2000; Сминтина 2001; и др.) тоже нельзя признать успешными. Они основаны на неверной хронологии, так как «ко времени второй половины дриаса-III» Е.В. Смынтына отнесла более ранние памятники (Владимировку, слой I и II, Анетовку, Ивашково VI, Гаврилов Яр), плохо датированные комплексы (Царинку) или даже невыразительные сборы подъемных материалов (Белолесье IV, Когильник, Кантемир, Новоархангельское и др.) (Смынтына 2000: 463—468).

На самом деле, во всей степной зоне из памятников с остатками фауны временем позднеледниковья надежно датированы только основной слой Михайловки (Белолесье) и ряд Рогаликско-Передельских стоянок (Горелик 2001; Сапожников 2004), но их материалов недостаточно для детального палеоэкологического районирования всей зоны азово-причерноморских степей.

Сезонность поселений зоны степей. В табл. 2 нами собраны данные о 36 комплексах зоны степей, которые позволяют судить о сезонности хозяйственной деятельности населения в позднем палеолите. Кроме обычных показателей наличия или отсутствия костей копытных животных, склонных к совершению сезонных миграций, мы включили в нее такой явно зимний вид деятельности, как пушная охота на песцов, зайцев, волков,

Таблица 2.
Показатели сезонности позднепалеолитических памятников зоны степей*

Пора	Уровни	Памятники	Промысловые животные				пушная охота	съедобные моллюски	Места групп орудий			Геоморфология		Характеристики поселений			
			бизон	лошадь	сев. олень	сайгак			микроинвентарь	резцы	скребки	низкие террасы (ниже +20—25 м)	Плато, высокие террасы	очаги и кострища	остатки жилищ	ХБК-I	ХБК-II
ранняя		Мира, верхний слой	+	++	+		+	1?	3	2	+		+	+	+		+
средняя	нижний	Сагайдак I, нижний слой	+	+				+	—	1	+		+		?		
		Анетовка I	+	+	+			3	2	1	+						
		Осоковка V-a	+	+			+	2	3	1	+		+	+	+		+
		Мураловка	+	+		+		1?	+	2		+?	+			+	+
		Золотовка I	+					2	3	1		+	+		+?		
	средний	Большая Аккаржа	+				+	1	2	3		+	+		+		
		Анетовка II	+	+	+	+	+	1	2	3		+					
		Амвросиевка	+					2	1	3		+					
		Осоковка IV-a, IV-б	+				+					+		+	+	+	+
	верхний	Ямы	+	+				1	2	3		+	+				+
		Вознесенка IV, средний слой		+				2	1	3		+	+		?		
		Федоровка, слой 2	+					1	2	3			+			+	
		Федоровка, слой 1						1	3	2			+			+	
		Осоковка III-в	+		+		+	2	3	1	+		+	+	+		+
Осоковка II		+	+	+		+	—	—	1	+		+	+	+		+	
заклучительная		Говоруха		+				2	1	3		+?	+		+		
	нижний	Миньевской Яр	+					2	1	3	+		+		+		
		Нововладимировка II	+	+				1	2	3		+				+	
		Дмитриевка, верхний слой	+	+				2	1	3	+						
		Кайстровая Балка IV	+					2	1	3		+					
		Каменная Балка II, слой 2	+	+	?		+	+	2	1	3	+?		+	+	+	+
	средний	Кайстровая Балка I	+	+				—	2	1	+		?		+		
		Кайстровая Балка II	+	+	+		+	—	2	1	+		+	+			
		Кайстровая Балка III	+								+		+				
		Дубовая Балка	+	+			+	+	3	2	1	+		+		+	
		Ямбург II-a	+		+		+?	—	2	1	+		+	+			+
		Ямбург III-a	+		+		+?				+	+		+	+	+	+
		Каменная Балка I	+	?				1	2	3		+?	+		+		
		Рогалик VII	+	+				2	3	1		+					+
	верхний	Михайловка	+?	+				2	3	1	+		+		+?		
		Рогалик II-a	+	+	+			+	2	1	+						
		Рогалик II-в						+	2	1	+		+?		+		+
		Рогалик III-a		+				+	2	1	+		+				
		Рогалик III-в	+	+				—	2	1	+						+
		Рогалик XII	+	+	+			3	2	1	+						

* При составлении таблицы использованы работы (Підопличко 1938; 1956; Борисковский, Праслов 1964; Гвоздовер 1964; Колосов 1964; Праслов, Филиппов 1967; Кротова 1986; 1994а; Смольянинова 1990; Оленковский 1991; 2000; Сапожников 1992; 1995; Праслов, Щелинский 1996; Секерська 1999; Горелик 2001; Степанчук та ін. 2004; Леонова и др. 2006; и др.).

лисиц, байбаков, бобров и др. Кроме этого, в таблицу вошли такие показатели, как собирание съедобных речных и наземных моллюсков (теплое время года); геоморфологическое расположение стоянок: на плато и высоких террасах (тепло) и низких террасах в долинах рек и балок (холод); преобладание скребков (холод, даже зима), микроинвентаря (сезон массовых коллективных охот (тепло ?) и резцов (обработка дерева, кости и рога — тепло); наличие очагов, остатков жилищ или ХБК; а также других более или менее долговременных конструкций (вымосток, углубления полов жилищ, заслонов и др. — холод). Автор отдает себе отчет в том, что некоторые из введенных показателей могут оказаться недостаточно информативными, но в совокупности они должны дать объективную картину.

Прежде чем приступить к анализу таблицы, нельзя не остановиться на интерпретации Амвросиевского комплекса, состоящего из синхронных костяка и стоянки, без материалов которого мы не сможем судить о сезоне массовых загонов бизонов, предполагающих укрупнение охотничьих коллективов.

Как было сказано, чаще всего, вслед за И.Г. Пидопличко (1948; 1953: 66; 1969: 150) и В.И. Бибиковой (Зубарева 1948), Амвросиевское костяка рассматривается как свидетельство единовременного загона целого стада бизонов и как ярчайший пример хищнических охот в позднем палеолите (Григорьева 1968: 9; Верещагин 1971: 208; Массон 1976: 29; 1996: 19; Румянцев 1985: 26; Кабо 1986: 228). Эта точка зрения стала хрестоматийной и принимается без доказательств, хотя существуют и другие мнения. Так, В.М. Евсеев считал костяка свалкой костей вблизи жилища (Евсеев 1947). П.П. Ефименко интерпретировал древний костеносный овражек как место неоднократных сезонных облавных охот (Ефименко 1953: 547—550). П.И. Борисковский полагал, что костяка использовалось для совершения обрядов охотничьей магии, и нашел ему ряд этнографических аналогий (Борисковский 1951; 1953: 349—352; и др.), что было поддержано А.Д. Столяром (Столяр 1985: 177) и др.

Позднее многие присоединились к точке зрения П.П. Ефименко (Кротова 1986а; Леонова, Миньков 1987; и др.), а автор этих строк подчеркнул, что его интерпретации не противоречит и мнение П.И. Борисковского (Сапожников 1987: 13; 1989; и др.). Как видим, трактовка Амвросиевского костяка как места неоднократных сезонных коллективных охот уже не вызывает неприятия, хотя

спорным остается вопрос о сезоне его использования.

Напомню, что заключение о сезоне функционирования костяка, на которое опирался автор этих строк, было сделано И.Г. Пидопличко: «Нам удалось установить, что в составе амвросиевского стада были телята утробного возраста и не старше двух месяцев. Этот весьма важный факт дает возможность отнести время охоты на зубров на конец мая или на июнь месяц, так как отел у зубров происходит весной, главным образом в мае». Правда, ученый в той же статье сделал и неверный вывод о том, что «с начала зимы из многоснежных лесных и лесостепных областей зубры откочевывали к югу», а «весной они продвигались во время кочевков обратно» (Пидопличко 1953: 66).

Позже выяснилось, что ситуация была сложнее. Так, В.И. Бибикова отнесла сезон охоты в Амвросиевке на осень, так как телята были не такими уж молодыми (Зубарева 1948: 120—121). Е.В. Миньков, исследовав материалы на основании своей методики и планиграфии костных остатков по полевым документам И.Г. Пидопличко 1940 и 1949 гг., снова перенес время разделки туш животных на раннюю весну (Миньков 1991: 12). Его мнение раскритиковала А.А. Кротова, которая сообщила, что Н.Г. Белан определила сезон гибели бизонов как зимний (Кротова 1994а: 156), хотя сама ранее допустила использование Амвросиевской стоянки как в холодное, так и в теплое время года (Кротова 1994: 25; табл. 1). Однако Н.Г. Белан изучила всего 22 челюсти бизонов из раскопок 1986 и 1988 гг. и сама отрицала наличие в коллекции 1940 года костей утробных и двухмесячных телят. Более того, обе исследовательницы допустили возможность «альтернативного сценария», по которому охота в Амвросиевке, расположенной на плато, была наиболее оптимальной с весенних до «ранних летних месяцев» (Krotova, Belan 1993: 134—135, 139—140).

Позднее изучением костных остатков из Амвросиевки занялся американский археозоолог Л.С. Тодд, который просмотрел материалы из раскопок 1935 и 1986—1994 гг. По его определению, охота в Амвросиевке имела место трижды — в октябре, декабре и марте. На основании этого и своих микростратиграфических наблюдений А.А. Кротова пришла к заключению, что костяка сформировалось на протяжении трех охотничьих операций (загонов?), проведенных последовательно в декабре (16 образцов), в марте (8 обр.) и в октябре (7 обр.) (Кротова 2003). Но такой вывод,

на мой взгляд, лишь запутывает ситуацию, так как не снимает вопроса о том, что делать с утробными и двухмесячными телятами бизонов, кости которых выявлены в 1940 году. Ведь тогда к названным американцем месяцам все равно следует добавить по крайней мере еще два — май и июнь.

Причины настойчивости А. А. Кротовой и Л. С. Тодда на том, что охота на бизонов в Амвросиевке велась в осенние и зимние месяцы, понятны, так как оба видят аналогии этому костыщу в палеоиндейских, «архаических» и более поздних *kill sites* Северных (Северо-Западных) Высоких равнин США и Канады (Kehoe 1973; Frison 1978; 1982; 1998; Фрайсон 1986; Тодд 1986; Todd 1987; 1991; и др.). Дело в том, что значительная часть из них действительно функционировала на протяжении осенних и зимних месяцев, но даже там, причем не только на юге, но и в центре Великих равнин известны костыща, которые использовались в февраленачале марта (Эгейт-Бэйсин), поздней весной (Бу сайт), летом и ранней осенью (Олсен-Чаббек), ранней осенью (Вардел сайт) и осенью (Скоггин сайт) (Frison 1978: 147—250; Frison, Stanford 1982; ср.: Krasnokutsky 1996: 78—79).

По мнению Дж. К. Фризона и его ученика Л. С. Тодда, основная идея палеоиндейской стратегии заключалась в том, чтобы поздней осенью или ранней зимой в ходе коллективных загонных охот убить как можно больше бизонов и заморозить их туши про запас (Frison 1982; и др.). Однако ни в Северо-Западных прериях, ни в Амвросиевке остатки таких ям-холодильников не были выявлены. Единственным способом заготовки мяса, в отличие от охотников на карibu, у североамериканских индейцев прерий было изготовление пеммикана. При этом в районе Амвросиевки нет и намека на следы вечной мерзлоты во время формирования костыща, и потому такой способ консервации здесь был невозможным.

Кроме того, даже среди американских археozoологов методика Фризона-Тодда, суть которой заключается в определении сезона гибели бизонов по стертости зубов, не является общепринятой. Так, В. Е. Виттакер и Дж. Г. Энлоэ специально рассмотрели этот вопрос, используя данные о стертости зубов современных животных, и пришли к следующим выводам. Определение сезона наиболее аутентично по зубам и другим костям телят. Определения, сделанные по стертым зубам взрослых животных, чаще всего им не соответствуют, хотя иногда и совпада-

ют (Whittaker, Enloe 2000). Ясно, что сказанное касается и Амвросиевки, то есть, весенне-летний сезон гибели животных, определенный по костям молочных и утробных телят, заведомо более верный, чем все иные заключения. Конечно, автор воздержится от вывода, что данные Л. С. Тодда полностью неверны, но археологи должны знать, что существуют другие методики и точки зрения по этому вопросу как среди отечественных, так и зарубежных ученых.

В связи с этим напрашивается вывод о том, что подобные «сезонные параллели» с Амвросиевкой являются малоубедительными. Кроме того, приведенные заключения плохо коррелируются друг с другом и допускают практически круглогодичное, хотя и многократное использование Амвросиевского костыща. Поэтому мы вынуждены, учитывая выводы всех названных палеонтологов и палеозоологов, попытаться еще раз определить сезон функционирования этого уникального комплекса на основании его материалов, данных об экологии и этологии бизонов и характеристики аналогичных памятников.

Для начала скажем, что даже для современных европейских зубров, загнанных человеком в леса, характерны небольшие сезонные миграции, связанные с фенологией вегетации растительности. Эти животные, например, летом предпочитают питаться травяной растительностью, а зимой ими поедается также кора и молодые побеги деревьев и кустарников (Баскин 1976: 109—110; 1979: 445—446, 465—466). Исходя из сказанного, в зоне азово-причерноморских степей для времени позднего палеолита следует предполагать наличие таких миграций бизонов: весной — на юг, в открытые степи, где основные пастбища располагались на водораздельных равнинах (плато), а осенью — на север, в более лесостепные ландшафты. Однако при наличии горных массивов эта схема довольно существенно менялась. Так, на Северном Кавказе, где присутствует выраженная высотная природная зональность, зубры весной спускались к равнинам в северном направлении, а другая их часть, наоборот, поднималась к альпийским лугам (Баскин 1979: 465—466).

Что касается североамериканских бизонов, то наиболее распространенной точкой зрения является та, что все они в течение года совершали сезонные миграции на очень значительные расстояния, которые достигали 700—750 км, причем летом они, якобы, находились на севере, а зимой на юге (Підопличко

1938: 46; 1953а: 65; Ефименко 1960: 22; и др.). Эти представления основаны на давно устаревших работах Дж. Б. Гринелла (Grinnell 1904: 138—142; также см. Roe 1970: 521—542), но более поздние исследования целого ряда ученых показали, что ситуация с миграциями этих животных в Северной Америке была совсем иной, причем отнюдь не такой простой и однозначной.

С. К. Оливер посвятил специальную монографию экологии и биологии бизонов в связи с их влиянием на образ жизни индейских племен. Основная идея ученого заключается в том, что «нельзя понять индейцев, не зная смысла миграций бизонов». Он прямо написал, что популярная точка зрения о том, что до прихода европейцев миллионы бизонов кочевали каждую зиму на юг, в Техас, а каждое лето на север, в Канаду, не подтверждается фактами. На самом деле каждая популяция бизонов имела свои сезонные перекочевки. Одни из них могли совершать далекие миграции, а другие — гораздо менее протяженные, и отнюдь не всегда они совершались в направлении север-юг и обратно (Oliver 1963: 15—16).

Еще ранее биолог М. С. Гарретсон заметил, что, кроме весенних и осенних миграций, в другие сезоны года бизоны совершали «общие передвижения» на север, запад, юг и восток, которые неискушенные наблюдатели часто принимали за настоящие миграции. Он же описал, что в северной части ареала, в горах были зафиксированы сезонные миграции с запада на восток и обратно, «когда стада уходят весной из гор и возвращаются осенью назад, прячась в пересеченном рельефе между холмами от зимних западных ветров». Кроме того, ученый сообщил о наличии в прошлом действительно дальних кочевок в южных районах прерий, когда стада бизонов весной, чтобы достичь Техаса и Оклахомы, совершали миграции протяженностью от 200 до 400 миль, а осенью следовали обратно (Garretson 1938: 52—53; и др.). Дж. В. Артур, описавший характер миграций на Северных равнинах, полагает, что бизоны покидали открытые равнинные ландшафты осенью и зимовали в долинах, северных лесах и перелесках. Правда, и там отмечены случаи, когда из-за пожаров на пастбищах, в относительно теплую погоду животные зимой возвращались на равнины (Artur 1975: 53—60).

С. К. Оливер привел примеры того, что в засушливые годы стада бизонов уходили из южных прерий на север летом, в самый разгар жары. Ученый сделал важный для нас вывод о том, что в большей части огромного ареала

своего распространения бизоны, скорее всего, могли присутствовать на протяжении круглого года, при этом лишь в его окраинных районах они какое-то время могли практически отсутствовать в определенные сезоны: на севере и в горах — летом, а на юге — зимой. При этом их поведение в разные времена года также имело выраженные сезонные особенности. Так, в более или менее крупные стада животные собирались летом и осенью, а в течение других сезонов они распространялись по всей территории прерий небольшими группами (Oliver 1963: 15—17).

По данным М. С. Гарретсона, телята бизонов рождались с апреля по июнь, период гона у них длился с июля до начала октября, а мех они меняли весной, причем в начале лета бывали «совершенно голыми» (Garretson 1938: 52—53 и др.). Дж. В. Артур, основываясь на письменных сообщениях наблюдателей XIX в. и характеристике биологии современных бизонов, уточнил, что основной сезон рождения телят у бизонов длился с начала марта до конца июня на протяжении четырех месяцев, но в обычных условиях его пик попадал на апрель и май. Что касается времени гона, то он же добавил, что его пик отсрочивается с июля до конца августа, и именно в это время бизоны собирались в относительно большие группы, но подчеркнул, что время гона довольно сильно отличалось у южных и северных бизонов, а также у диких и «одомашненных» групп животных. Так, разные авторы определяют общую длительность периода гона от двух до четырех месяцев (Artur 1975: 47—53).

Чтобы хоть как-то оживить эти суховатые биологические выкладки, приведем описание бизонов, принадлежащее испанцу Коронадо, который в 1540—1542 годах совершил дальнюю «экспедицию» в поисках золота из Мексики в Канзас через Техас и Оклахому. Эти наблюдения важны потому, что они сделаны до того, как индейцы Южных равнин, получив от испанцев лошадей, стали конными охотниками, что существенно изменило их образ жизни и способы охоты на бизонов. Итак, Коронадо пишет: «За исключением случайных вигвамов краснокожих кочевников, местность оказалась совершенно необитаемой. Здесь не было никаких ориентиров, ни гор, ни рек, ни деревьев, ни кустарников. Камней и тех не было: кругом, насколько хватало глаз, раскинулась поросшая травой тучная черноземная прерия. Это была безбрежная однообразная травянистая равнина, усеянная костями бизонов». Сами бизоны представились ему как творения поисти-

не фантастические: «Очень выпуклые глаза позволяют этим чудикам видеть на бегу того, кто их преследует. Когда они мчатся во весь опор, то голову держат низко и бородой своей (длинной, словно у старого козла) почти касаются земли. Передняя часть тела у них с середины спины густо покрыта шерстью, как у породистой овцы, а по животу, наподобие львиной гривы, растут очень густые и длинные волосы. На спине у них горб побольше верблюжьего. Рога на голове короткие и мощные, они едва проглядывают сквозь космы. В мае они теряют волосы на задней половине туловища и тогда делаются удивительно похожими на львов». Им же описана и загонная весенне-летняя охота, которую он наблюдал где-то в районе Техаса: «Охотники убивали бизонов в громадных количествах, иногда по 60—70 в день. За 15 дней они добыли 500 бизонов, причем исключительно быков» (цит. по: Бейклесс 1969: 100, 102—103).

Современные американские ученые отметили сезонные особенности экологии и этологии бизонов, которые оказывали непосредственное влияние на охоту. Так, самок труднее всего добывать весной и в начале лета, так как во время отела и вскармливания телят они очень осторожны и их поведение непредсказуемо. Именно в это время основной добычей были «небольшие, более стабильные группы быков». В период гона, наоборот, непредсказуемым и особенно агрессивным было поведение самцов, к тому же в эти месяцы они сильно теряли в весе и их мясо было невкусным. Поэтому осенью и особенно зимой охотники отдавали предпочтение самкам и бычкам, тем более, что в это время быки покидали стада и жили «рассеянно». Кстати, в этот период шкуры самок и бычков были наилучшего качества, и их использовали для изготовления одежды, одеял, мешков, на покрытие жилищ и другие нужды. Гораздо более грубые шкуры самцов, которые добывались в конце зимы и ранней весной, шли на выделку сыромятных лент и ремней, покрытия щитов, обуви, клея и других целей. Поэтому различное соотношение костей убитых быков, телок и бычков в костяках отражает не состав стада, а сезон охоты, обусловленный избирательностью охотников. Дж. Д. Спиз подчеркнул, что эта стратегия была направлена в первую очередь на добычу упитанных жирных животных, так как в бедные иной пищей весенние месяцы именно жир был особенно необходим для восстановления сил людей. По его словам, «жир является наиболее сконцентрированным видом энергии», а тощих неупитанных животных индейцы убивали крайне ред-

ко и только тогда, когда им совсем уже нечего было есть. Помимо бизонов, в прериях охотились на антилоп, оленей и других животных, но их роль в индейской экономике была незначительной (Speth 1983: XIV, XV, 1—4, 118—159).

На основании вышесказанного и того факта, что около 53—60% убитых животных в Амвросиевке были самцами (Зубарева 1948; Krotova, Belan 1993: 137—138), а также присутствия костей утробных и двухмесячных телят, следует заключить, что основным сезоном охоты в Амвросиевке были май и июнь, что подтверждает вывод И. Г. Пидопличко. Кстати, взрослые самцы преобладали и в Большой Аккарже (Сапожников, Секерская 2001; и др.), что говорит в пользу того же сезона. Подчеркнем, что в остеологических материалах Амвросиевского костяка, как и Анетовки II, Е. В. Миньков отметил высокую степень избирательности, то есть, использование наиболее калорийных частей туш бизонов, а это, как мы только что могли убедиться, характерно именно для весенних охот (Миньков 1991; 1993).

Прямой «сезонной аналогией» Амвросиевке и другим нашим памятникам с монобизоньей фауной является костяк Гарнси в округе Чевис штата Нью-Мексико (США), исследованное в 1977—1978 гг. экспедицией Мичиганского университета под руководством Дж. Д. Списа и В. Дж. Парри. Там также зафиксирован целый ряд охотничьих событий (коллективных загонов), промежутки между которыми составляли от нескольких дней или недель до нескольких лет. При этом за один раз убивалось не так уж много животных — от 4—5 до 15 особей. В костях заметно преобладали останки самцов (более 60%), причем присутствовали и кости самок, но авторы раскопок объясняют это тем, что последние телились только один раз в два-три года. Среди животных определены особи почти всех возрастных групп с небольшим преобладанием трех-четырёх-летних и шести-семилеток. Кроме этого, там отмечены многочисленные случаи, когда использовались не все части туш, а наиболее жирные и питательные, однако введенные автором показатели — общий индекс утилизации (GUI) и модифицированный общий индекс утилизации (MGUI) — были существенно большими для туш, которые принадлежали самкам. Сезон функционирования этого памятника определен как март-апрель. Сообщено и о том, что в ходе загонных охот убивались как группы быков, включавшие самок, не имеющих телят, так и группы телок,

в которые входили также телята и молодые быки. Важно подчеркнуть, что в 400—500 м от костяка на высокой террасе, господствующей над окружающей местностью, были выявлены остатки стоянки индейцев. Этот памятник датируется 1450—1500-ми годами н. э. Дж. Д. Спиз специально заметил, что по признаку своей весенней сезонности Гарнси аналогично другим костякам южных прерий, но, в отличие от Высоких и Северных равнин, в этом регионе их выявлено и раскопано пока не так уж много (Speth 1983; Speth, Partu 1980).

Добавим, что на западе центральных прерий в штате Колорадо Дж. Б. Вит еще раньше раскопал типичный бизоний *kill site* Олсен Чаббек. Там в овраг одноразово (?) было загнано около 200 животных обоих полов и разных возрастных групп, причем из них 39 особей остались неиспользованными. Автор раскопок определил сезон охоты как раннюю весну (Wheat 1967; 1972), но Д. Фрайсон (по известным нам причинам) полагает, что загон там имел место летом или в начале осени (Frison 1978: 178).

Таким образом, на основании ряда фактов, в том числе и на корректных параллелях с *kill sites* южной части Великих равнин, можно сделать вывод о том, что Амвросиевка и другие позднепалеолитические памятники зоны степей с монобизоньей фауной или с преобладанием этого животного (Золотовка I, Большая Аккаржа, Анетовка II, Кайстровые Балки III и IV, оба слоя Федоровки, Миньевской Яр, Каменная Балка I и др.) использовались главным образом в весенне-летнее время. Важно, что почти на всех этих поселениях (кроме Анетовки II) отсутствуют следы пушной (зимней) охоты, остатки каких-либо более или менее долговременных конструкций, а большая часть из них приурочена к плато и высоким террасам (кроме Миньевского Яра и Кайстровой Балки III, по Федоровке данные отсутствуют). Более того, в каменном инвентаре большинства памятников этой сезонной группы первое место занимает микроинвентарь или резцы (в Кайстровой Балке IV), за исключением Золотовки I, где преобладают скребки, а резцы занимают второе место. На многих из этих стоянок были выявлены очаги, ХБК, а на Большой Аккарже — еще и остатки съедобных моллюсков (табл. 2).

Вместе с тем, как было сказано выше, нет достаточных оснований для того, чтобы утверждать, что все без исключения бизоны осенью покидали зону степей и охота на них была полностью исключена до следующего весенне-летнего периода. По-видимому, на-

личие значительных лесных участков в долинах позволяло какой-то части животных проводить часть осени и всю зиму в этих биоценозах, не выходя на плато (Дворянинов, Сапожников 1975; и др.). Этот вывод подтверждается и самим составом фаунистических комплексов, так как на протяжении всего основного этапа развития степной ПХО останки бизонов присутствуют практически на всех памятниках (табл. 1; 2). Поэтому было бы даже нелогично предположить, что все они использовались исключительно в теплое время года. В принципе, мы можем допустить наличие в Амвросиевке следов охот, имевших место в другие периоды. При этом преобладание самцов говорит в пользу такого месяца, как март, а осенне-зимние забои животных пока остаются гипотетическими.

Важные сведения о сезонах миграций бизонов получены при детальном анализе фаунистических остатков Ильской стоянки, расположенной в предгорьях Северо-Западного Кавказа, в 25—30 км к югу от долины р. Кубани. Там охоты на бизонов имели место летом-осенью и зимой (Hoffecker et al. 1991), то есть, отсутствуют весенние и весенне-летние эпизоды, более характерные для зоны степей. Наличие степного бизона в высокогорных мустьерских пещерах того же региона (в Монашеской — преобладает; в Мезмайской, слой 2В-3 — 41%; в Баракаевской — 33% и др.) также говорит об их использовании в теплые месяцы и о том, что там, по крайней мере, какая-то часть бизонов могла не выходить летом на равнину, предпочитая кормиться на альпийских лугах (Голованова, Хоффекер 2000: 52—53).

Теперь рассмотрим сезонные миграции других копытных животных, которые были объектами охоты в зоне азово-причерноморских степей. О северном олене и возможности его появления в северной подзоне степей только в зимний период написано достаточно (см. Kellsal 1968; Баскин 1976: 87—93; Симченко 1976: 75, 78—81; Зализняк 1989: 117—129), и поэтому мы не будем на этом останавливаться.

На базе этого яркого сезонного показателя, для поселений с остатками северных оленей следует предполагать их использование именно в зимнее время. К ним могут быть отнесены: Анетовка I, горизонты III-в и II Осокоровки I, Кайстровая Балка II, горизонты III-а и II-а Ямбурга, Роголик II-а и Роголик XII. Исключением является Анетовка II, в которой бизон представлен 97,5% от общего количества костей и 82,4% от числа всех особей, а северный олень — 1,9% и 3,6% соответственно.

Однако в Анетовке II из 434 костей северного оленя 402 экз. (92,6%) были фрагментами рогов (Бибикова, Старкин 1989: табл. 1—2), большая часть которых была сброшена осенью самими оленями (Старкин 2000: 21). Этот факт не позволяет говорить о наличии массовой охоты обитателей поселения на этих животных в зимние месяцы. Говоря о других памятниках этой группы, подчеркнем, что на них (кроме Рогалика II-а и XII) есть свидетельства пушной охоты. Все они (кроме Анетовки II) располагались на низких террасах в долинах рек, в их каменном инвентаре значительно преобладает группа скребков (опять же, кроме Анетовки II), а группы резцов и микроинвентаря занимают, как правило, второе и третье места (табл. 2).

Поскольку наша интерпретация сезонных миграций диких лошадей была подвергнута критике со стороны А. Ф. Горелика, рассмотрим этот вопрос подробнее. Л. М. Баскин, исходя из этологии современных одомашненных лошадей Казахстана, куланов и лошадей Пржевальского, заключил, что главным фактором, определяющим их миграции, является поиск зимой пастбищ с как можно меньшим снежным покровом. Дело в том, что лошади, в отличие от бизонов, как правило, не питаются древесно-кустарниковым кормом и зимой вынуждены тебеневать, выбивая копытами травяной корм из-под снега. Ученый привел достаточно доказательств того, что лето лошади проводят на севере, а зиму на юге, что особенно хорошо прослежено в Казахстане. Как и для бизонов, можно говорить об особенностях их миграций в предгорных районах, так как на востоке региона лошади проводят лето в предгорьях и на нагорьях, а зимой возвращаются в степи. В таком случае путь миграций почти совпадает с направлением запад-восток. В Западном и Центральном Казахстане перекочевки на юг начинаются осенью, а зимой, по мере накопления снежного покрова, табуны продвигаются в степные и даже полупустынные районы, достигая крайней южной точки своей миграции за 3—5 больших перекочевок, останавливаясь на одном месте на 20—30 дней. Размеры таких временных пастбищ одного табуна относительно небольшие и не превышают 5—8 км в поперечнике (Баскин 1976: 42—46 и сл.).

Хотя у нас нет оснований не доверять точке зрения биолога, А. Ф. Горелик счел приведенные им факты недостаточными. Причина этому уже хорошо знакома, так как он без всяких сомнений принял модель преобладания охоты на бизонов в осенне-зимний пе-

риод на основании все тех же параллелей с сезонностью памятников Северных равнин, зная точно, что сезоны охоты на бизонов и на лошадей должны быть «альтернативными» (Горелик 2001: 281).

Сказанное вынуждает нас добавить к словам Л. М. Баскина дополнительные аргументы. Напомним, что на протяжении всего времени раннепричерноморского подгоризонта и в позднеледниковье климат в степях был холодным и сухим, а зимы малоснежными (Сапожников 2003б), что как раз способствовало зимовке в них диких лошадей. Кроме того, из зафиксированных нами 22 случаев присутствия костей лошади на памятниках степной зоны, в 7 они встречены вместе с костями северного оленя: в Мире, Анетовке I и II, горизонте II Осокоровки I, Кайстровой Балке II, Рогалике II-а и XII, причем на всех этих памятниках присутствует и бизон. Ясно, что для них следует говорить о зимнем сезоне, но, если следовать логике А. Ф. Горелика, эти памятники были обитаемы на протяжении круглого года. Только вместе с бизоном лошадь отмечена в 12—13 случаях: в Сагайдаке I, Мураловке (вместе с сайгаком), горизонте V-а и III-в Осокоровки I, Нововладимировке II, Кайстровой Балке I, Дубовой Балке, Каменных Балках, Рогалике VII и III-в. И для них, исходя из той же позиции, следует предполагать использование с весны до зимы. И, наконец, тогда только три стоянки, на которых представлены исключительно кости лошади (Вознесенка IV в. с., Говоруха и Рогалик III-а), могут быть интерпретированы как весенне-летние. Очевидно, что при таком подходе почти все памятники с фауной лошади становятся круглогодичными, что противоречит целому ряду учтенных нами показателей сезонности (табл. 2).

Если же мы будем опираться на данные биологии, в частности, на ту посылку, что табуны диких лошадей постепенно достигали зоны степей с осени и оставались в ней до весны, а также учтем, что стада антилопы сайги (присутствует в Мураловке и Анетовке II — табл. 1) проводили лето в лесостепях и на границе с ними, а в сентябре уходили в степную и полупустынную зоны (Баскин 1976: 127—128), то картина станет совершенно иной.

Во-первых, следует выделить памятники с фаунистическими остатками только лошади (Вознесенка IV, Говоруха), а также бизона и дикой лошади (Ямы, Нововладимировка II, Дмитриевка, Каменная Балка II), в инвентаре которых преобладает микроинвентарь и рез-

цы. Их можно определить как летне-осенние или весенне-осенние, так как на них не отмечена массовая выделка шкур.

Поселения, для которых характерен такой же состав фауны, но преобладают скребки (Мира, Сагайдак I, горизонт V-а Осокоровки I, Кайстровая Балка I, Дубовая Балка, Белолесье, Рогалики III-а, III-в и VII), можно охарактеризовать как осенне-зимние или зимне-весенние. В данную группу следует включить и все названные памятники с остатками северных оленей (без Анетовки II), а также Мураловку, зимний сезон которой дополнительно устанавливается по присутствию сайгака, горизонт IV-а и IV-б Осокоровки I, где отмечена пушная охота, и Рогалик II-В с преобладанием скребков и жилищем с углубленным полом (табл. 2). Что касается Анетовки II, то она использовалась для сезонной коллективной охоты на бизон не однократно, но наличие костей северного оленя и дикой лошади говорит о том, что какая-то небольшая группа людей находилась на нем в осенний либо осенне-зимний период⁴.

Таким образом, в итоге выделенные нами сезонные группы памятников можно представить следующим образом.

I. *Весенне-летние поселения* с монобизонной фауной или с преобладанием этого животного: Золотовка I, Большая Аккаржа, Амвросиевка, Анетовка II, Кайстровые Балки III и IV, оба слоя Федоровки (?), Миньевской Яр, Каменная Балка I.

II. *Летне-осенние (весенне-осенние) поселения* с фауной бизона, дикой лошади и преобладанием микроинвентаря и (или) резцов: Вознесенка IV, Говоруха, Ямы, Нововладимировка II, Дмитриевка, Каменная Балка II.

III. *Осенне-весенние поселения*. Среди них можно выделить явно зимние с фауной северного оленя: Анетовка I, горизонт III-в и II Осокоровки I, Кайстровая Балка II, горизонт III-а и II-а Ямбурга, Рогалик II-а и Рогалик XII. К этой группе относятся: Мира, Сагайдак I, Мураловка, горизонт V-а, IV-а и IV-б Осокоровки I, Кайстровая Балка I, Дубовая

Балка, Михайловка, Рогалики II-в, III-а, III-в и VII. Возможно, большая часть стоянок этой группы может быть, в свою очередь, разделена на *осенне-зимние* и *зимне-весенние*, но пока для этого нет достаточных оснований.

Подводя итоги анализу сезонности поселений степной ПХО, мы вынуждены отметить, что, к сожалению, публикации материалов далеко не всех памятников оказались репрезентативными. Кроме того, выяснилось, что не все сезонные показатели одинаково информативны. Так, наличие очагов и ХБК разных типов не коррелируется с определенными сезонами, хотя большая часть жилищ выявлена на зимних поселениях. Малопоказательным оказалось и присутствие съедобных моллюсков, что не позволяет согласиться с мнением о повышенной роли собирательства в степной ПХО. Показатель процентного содержания микроинвентаря «не сработал» для Миры, Золотовки I и Мураловки, что говорит о том, что микропещушки дюфур не использовались для оснащения охотничьего оружия. Примечательно, что преобладание микроинвентаря и резцов хорошо коррелируется с весенне-летним и летне-осенним сезонами, в то время как в комплексах кремневых орудий осенне-весенних поселений микроострия и пластинки с притупленным краем, чаще всего, занимают третье место или отсутствуют. Достаточно красноречивыми для всех сезонных групп оказались и геоморфологические показатели, хотя и не для всех памятников.

В целом следует подчеркнуть, что более корректным будет определение сезона каждого конкретного памятника отдельно, так как в табл. 2 не были и не могли быть учтены данные микростратиграфических исследований, сделанных на Каменных Балках I и II, планиграфо-стратиграфические наблюдения и палинологические заключения (отсутствие в слое пыльцы и спор рудеральных и антропохорных растений) по Большой Аккарже, результаты детального археозоологического изучения фаунистических материалов Амвросиевки, Каменных Балок, Большой Аккаржи, Анетовки II и др. (избирательность туш при разделке, соотношение самцов и самок и т.д.), а также данные трасологического анализа (Большая Аккаржа, Амвросиевка, Анетовка II и ряд Рогаликских стоянок). Вместе с тем, автор и не ставил перед собой такой задачи, ограничившись на этом этапе созданием общей схемы сезонности поселений, которая является надежной основой для реконструкции годового хозяйственного цикла населения степной ПХО в позднем палеолите.

⁴ В Анетовке II сайга представлена 5 таранными костями от 4 особей и не была промысловым животным. То же можно сказать о просверленном зубе бурого медведя (подвеска), единичных челюстях россомахи и барсука и фрагменте рога благородного оленя (Сапожников 1995: 160). Таким образом, осенне-зимняя охота могла вестись там на широкопалую лошадь (60 костей от 4 особей), северного оленя (рога 2-х животных с остатками черепов) и, возможно, песца (10 костей от 4 особей) и волка (3 кости от 1 особи) (Бибикова, Старкин 1985; 1989: табл. 2).

На основании анализа таблиц подчеркнем еще один момент. Все без исключения учтенные нами памятники являются базовыми поселениями, правда, с оговоркой, что одни из них можно определить как односезонные, а другие как неоднократные. Мы не знаем ни одной стоянки в зоне степей, которую, хотя бы с небольшой долей вероятности, можно было бы определить как охотничий лагерь, то есть стоянку охотничьей группы без женщин, стариков и детей. Безусловно, это отнюдь не означает, что таковые вообще не существовали, но, во всяком случае, пока они не исследованы.

Главным выводом, который можно сделать на основании той же таблицы и других приведенных выше материалов, следует считать следующий. Охота на бизонов в степной ПХО велась на протяжении круглого года, но пока только для весенне-летних сезонов можно говорить о наличии коллективных загонных охот. В другие сезоны такие охоты пока не зафиксированы. Добыча диких лошадей велась главным образом в осенне-зимние сезоны, причем свидетельства более или менее массовых охот на этих животных (Мира, Каменная Балка II) связаны с осенью. Охота на северных оленей и, возможно, сайгаков была приурочена к зимнему периоду. В целом же можно утверждать, что поздней осенью и зимой специализация охоты не была выраженной, так как в фаунистических комплексах именно этого периода отмечено наибольшее видовое разнообразие животных. По-видимому, именно в это время года более или менее крупные общины распались на мелкие коллективы, хотя основной социально-экономической ячейкой круглогодично оставались отдельные семьи.

3. Этнографические параллели степной природно-хозяйственной области

Прежде чем приступить к поиску этнографических параллелей обществу степных охотников, подчеркнем, что Г.Е. Краснокутский уже использовал для сравнения с позднепалеолитическими материалами не одну, а две модели, основанные на материалах из Северной Америки — «этнографическую и палеоиндейскую». Чем они отличаются друг от друга, не было объяснено, но при этом он пришел к выводу, что преобладающим сезоном загонных охот на бизонов в азово-причерноморских степях были осень и зима (Краснокутский 1992: 15—16, 17—18; ср.: Krasnokutsky 1996: 159—167). Мы приве-

ли достаточно аргументов тому, что данный вывод противоречит большинству материалов и интерпретации Амвросиевки. Тем не менее, здесь мы попытаемся показать, что это заключение Г.Е. Краснокутского, а следовательно, и весь реконструированный им годовой хозяйственный цикл, не находит прямых и корректных аналогий и в самой Северной Америке.

Для начала подчеркнем, что никакой единой модели (и этнографической, и палеоиндейской, и даже вместе взятых), основанной лишь на одном признаке — охоте на бизонов, не может быть уже хотя бы потому, что так называемые Великие равнины не представляют собой сейчас и не представляли в прошлом единой ПХО и (или) ИКО. Их протяженность с севера на юг достигает более 3000 тыс. км при средней ширине 900—1000 км. Даже среди американских ученых нет общепризнанной схемы подразделения этого огромного пространства, но по В.З. Веделу, в нем выделяются такие регионы: Южные равнины (штаты Оклахома, Техас и восточная часть Нью-Мексико), Центральные равнины (Канзас, Небраска и Колорадо) и Северные равнины (Вайоминг, Монтана, Северная и Южная Дакота, а также южные части канадских провинций Саскачеван и Альберта) (Wedel 1941: 3—7; 1964: 193—222; см. также: Стефенсон 1969: 310, карты).

Наши выводы лучше всего корреспондируются с этнографическими материалами, описывающими индейцев Южных и отчасти Центральных равнин. В XVIII—XIX вв. на этой территории обитали различные племена языковых групп сиу и алгонкинов. Как указала Ю.П. Аверкиева, их хозяйственный год четко подразделялся на два основных периода — сезон больших летних охот на бизонов, когда все племя собиралось вместе, и сезон зимних охот, когда количество бизонов в прериях было незначительным. Зимой там практиковались в основном индивидуальные способы охоты, и для нас важно, что их использование летом было категорически запрещено, чтобы не сорвать коллективные загоны бизонов. Заметим, что разделка туш убитых животных была мужским, а обработка их шкур — женским делом. Мясо употреблялось индейцами во всех видах, но пеммикан (вяленое перетертое мясо с добавкой костного мозга и других консервантов) заготавливали впрок в основном летом (Аверкиева 1959: 243—249; 1974: 257—262). О том же сообщил С.К. Оливер: «индейские племена были сосредоточены зимой и сконцентрированы летом», но лишь в определенных районах прерий, потому что летом «в большей части аре-

ала распространения бизонов этих животных не было» (Oliver 1963: 17). Эти данные дополнил Г.Е. Марков: в степях Северной Америки «главным охотничьим сезоном было лето. В этот период охоты проводились вместе всем племенем, которое создавало большой охотничий лагерь. Зимой условия для охоты были значительно менее благоприятными, большие стада бизонов исчезали, что вынуждало охотников действовать мелкими группами, и племенные охотничьи лагеря на это время распались» (Марков 1979: 173).

Мы могли бы привести еще не один десяток подобных примеров, но и этого достаточно, чтобы убедиться — разработанные нами сезонная типология памятников позднего палеолита степной зоны Восточной Европы и схема годового хозяйственного цикла их населения имеют полное право на существование. Заметим, что сказанным в этой статье проблемы хозяйства и образа жизни обитателей степной ПХО, безусловно, не исчерпываются, но теперь мы, наконец, имеем их схему, которая основана на археологических и археозоологических материалах и соотносится с корректными этнографическими данными.

Что касается точки зрения П.И. Борисковского о том, что Амвросиевское костыще являлось местом совершения обрядов охотничьей магии, то и ей удалось найти прямые аналогии как на севере, так и на юге Великих равнин. Там места коллективных охот на бизонов имели ритуальное назначение. Посреди загона (round) индейцы часто вкапывали специальный столб, под которым приносились жертвы «Великому Хозяину Жизни» и совершались другие обряды, предшествующие охоте. Удачная охота также завершалась специальными церемониями (Kehoe 1973: 174—187). Ю.П. Аверкиева подчеркнула, что в степях Южных прерий лето было не только сезоном общеплеменных охот, но и главным периодом обрядовой жизни индейцев (Аверкиева 1959: 259—261). Любопытная ситуация была прослежена и на археологических материалах. Так, на палеоиндейской стоянке Джонса-Миллера, расположенной в штате Колорадо на Средних равнинах и датированной около 10 ТЛ, найдены следы такого столба, а рядом — углубленный в землю круглый очаг, заполненный красной и желтой охрой, в котором находилось несколько предметов культового назначения (SIRR 1977: 3).

Таким образом, в истории развития позднепалеолитической степной природно-хозяйственной области в настоящее время можно выделить три основных периода: ран-

ний этап, о котором нам пока что известно очень мало, но в котором отмечена зимняя охота на диких лошадей (Мира), а охота на бизонов уже имела место (~32—22 ТЛ); основной этап, в котором охота на бизонов преобладала, но не была исключительной (от 22 до 13 ТЛ); и финальноплейстоценовый этап с преобладанием охоты на диких лошадей (13—10 ТЛ).

Мы вынуждены признать, что на протяжении всего основного периода не известно никаких выразительных фактов и явлений, которые можно было бы непосредственно связать с кризисом охотничьего хозяйства. Только во время третьего периода они, вероятно, уже имели (или могли иметь) место. При этом следует иметь в виду, что изменения в составе фауны степных копытных животных в начале среднего и финального палеолита были обусловлены не только и не столько антропогенными, сколько природными факторами, а точнее — климатическими изменениями в конце позднего плейстоцена.

Заметим также, что наиболее выразительные свидетельства специализированной сезонной загонной охоты на бизонов относятся к основному этапу развития степной ПХО, причем как раз к наиболее холодному его периоду — времени максимума последнего оледенения (Амвросиевка, Большая Аккаржа и Анетовка II). Это говорит не только о том, что тогда палеолитическое население успешно обитало в азово-причерноморских степях и его плотность была достаточно высокой, но и о значительном уровне развития хозяйства и культуры общества степных охотников, способного успешно выживать в очень холодных, даже суровых климатических условиях перигляциальных степей.

Вместо послесловия

Эта статья была подготовлена по просьбе М.В. Аниковича, которого всегда живо и глубоко интересовали проблемы степной зоны или ПХО. В частности, в отзыве на мою докторскую диссертацию, присланном им в Киев в январе 2006 г. (сам он тогда заболел и не смог приехать, хотя был официальным оппонентом), он так сформулировал свои взгляды:

«Выделенную П.И. Борисковским “степную зону”, как особый археологический и культурно-исторический феномен, пытались “похоронить” едва ли не с самого ее рождения (Гвоздовер 1964; 1967; Григорьева 1968). “Похоронная церемония” время от времени возобновляется и теперь. Однако “за-

крыть” ее никак не удастся, а число сторонников этой идеи не уменьшается. Причем вот что любопытно: если последние (а в число их входил и такой “вечный оппонент” П. И. Борисковского, как А. Н. Рогачев!) не просто повторяют, а развивают идеи Павла Иосифовича, то контраргументация неизменно сводится к повторению старых положений, высказанных в 1960-х гг.

Важнейшим аргументом всех противников Степной зоны представляется следующее: памятники на этих территориях различны в культурном отношении, и, следовательно, не могут рассматриваться, как единое целое. Однако, утверждая это, оппоненты игнорируют один из общенаучных методологических принципов, а именно: явления, различные в одном отношении, могут рассматриваться, как сходные, в другом. Всё зависит от “угла зрения” исследователя. Так, например, для А. Н. Рогачёва верхний палеолит Костенковско-Борщевского района являлся специфичным по отношению к палеолиту Приднестровья. Но и тот, и другой становились единым целым (в совокупности с другими памятниками Восточной Европы) — по отношению к двум другим основным районам развития верхнепалеолитической культуры европейской приледниковой области: средневропейскому и западноевропейскому. Культурная специфика низ-

кого уровня “снималась” на более высоком уровне».

А. Н. Рогачев, а впоследствии и автор этой статьи, пытались уточнить и углубить изначальные представления о степной зоне — преимущественно, в археологическом (историко-культурном) отношении. По нашему мнению, это одна из трех историко-культурных областей, сформировавшихся на территории Восточной Европы во время поздневалдайского похолодания. Развивая эту идею, мы посчитали возможным представить степную зону не только как археологический феномен, но (что особенно важно!) как природно-хозяйственную общность. Достаточно подробные характеристики её основаны опять-таки на комплексных данных, включая археологические, палеозоологические, палинологические и этнографические...

Мы рассчитывали опубликовать эту статью в очередном томе Трудов Костенковско-Борщевской археологической экспедиции ИИМК РАН, редактором которых являлся Михаил Васильевич Аникович. Однако получилось так, что ей суждено увидеть свет в другом издании и уже с мемориальным посвящением этому выдающемуся исследователю палеолита, который умер на своем боевом посту в Костенках 13 августа 2012 года. Думается, что и в этом есть какой-то скрытый глубинный смысл...

Литература

- Абрамова З. А. 2001—2002. Роль бизона в мировоззрении палеолитического человека Европы. *Stratum plus* (1), 171—195.
- Аверкиева Ю. П. 1959. Индейские племена североамериканских степей и плато. В: Ефимов А. В., Токарев С. А. (отв. ред.). *Народы Америки*. Т. 1. Москва: Изд-во АН СССР, 243—265.
- Аверкиева Ю. П. 1974. *Индейцы Северной Америки: от родового общества к классовому*. Москва: Наука.
- Алексеев В. П. 1984. *Становление человечества*. Москва: Политиздат.
- Андрианов Б. В. 1981. К методологии исторического исследования взаимодействия древних человеческих обществ и природы. В: Ким М. П. (отв. ред.). *Общество и природа: исторические этапы и формы взаимодействия*. Москва: Наука, 250—261.
- Андрианов Б. В. 1985. *Неоседлое население мира: историко-этнографическое исследование*. Москва: Наука.
- Андрианов Б. В., Чебоксаров Н. Н. 1972. Хозяйственно-культурные типы и проблема их картографирования. *СЭ* (2), 3—16.
- Аникович М. В. 1992. Южная и Юго-Западная историко-культурные области Восточной Европы в позднепалеолите. *КСИА* 206, 34—42.
- Аникович М. В. 1998. Днепро-донская историко-культурная область охотников на мамонтов: от «восточного граветта» к «восточному эпиграветту». В: Амирханов Х. А. (отв. ред.). *Восточный граветт*. Москва: Научный мир, 35—66.
- Аникович М. В. 2001. «Степная зона» — одна из трех ИКО верхнего палеолита Восточной Европы. В: Григорьева Г. В. (отв. ред.). *Каменный век Старого Света: к 90-летию П. И. Борисковского*. Тезисы докладов всероссийской конференции. Санкт-Петербург: Академ-Принт, 10—12.
- Балакин С. А. 1985. Концепция хозяйственно-культурного типа: современное состояние и перспективы применения в археологическом исследовании. В: Генинг В. Ф. (отв. ред.). *Археология и методы исторической реконструкции*. Киев: Наукова думка, 91—106.
- Баскин Л. М. 1976. *Поведение копытных животных*. Москва: Наука.
- Баскин Л. М. 1979. Экология и поведение зубра. В: Соколов В. Е. (отв. ред.). *Зубр*. Москва: Наука, 442—470.
- Бейклесс Дж. 1969. *Америка глазами первооткрывателей*. Москва: Прогресс.
- Беляева В. И. 2002. Сезонность та довгочасність. *Археологія* (1), 31—37.
- Бибикова В. И. 1950. О некоторых биологических особенностях первобытного зубра. *БМОИП, Отд. биол.* LV (5), 35—43.
- Бибикова В. И., Старкин А. В. 1985. Остатки сайгака позднелепестового возраста из раскопок

- стоянки Анетовка II (Украина). *Вестник зоологии* 5, 47—51.
- Бибикова В.И., Старкин А.В. 1989. Характеристика остеологического материала из раскопок позднелепалеолитического поселения Анетовка II. В: Станко В.Н., Григорьева Г.В., Швайко Т.Н. *Позднелепалеолитическое поселение Анетовка II*. Киев: Наукова думка, 127—131.
- Борисковский П.И. 1940. *Людина кам'яного віку на Україні*. Київ: Вид-во АН УРСР.
- Борисковский П.И. 1951. Раскопки в Амвросиевке и проблема палеолитических культовых мест. *КСИИМК XXXVII*, 9—22.
- Борисковский П.И. 1953. *Палеолит Украины: историко-археологические очерки*. МИА 40.
- Борисковский П.И. 1964. *Проблема развития позднелепалеолитической культуры степной области*. Москва: Наука.
- Борисковский П.И. 1984. Введение. Краткая история изучения палеолита. Обзор источников. В: Борисковский П.И. (отв. ред.). *Палеолит СССР*. Археология СССР. Москва: Наука, 9—16.
- Борисковский П.И. 1984а. Заключение. Проблемы палеолитических культур, хозяйства и социального строя. В: Борисковский П.И. (отв. ред.). *Палеолит СССР*. Археология СССР. Москва: Наука, 348—355.
- Борисковский П.И. 1989. Критерии выделения позднелепалеолитических историко-культурных областей: на примере степной зоны. В: Массон В.М., Праслов Н.Д. (отв. ред.). *Проблемы культурной адаптации в эпоху верхнего палеолита: по материалам Восточной Европы и США*. Тезисы докладов советско-американского семинара. Ленинград: Наука, 24—27.
- Борисковский П.И., Праслов Н.Д. 1964. *Палеолит бассейна Днепра и Приазовья*. САИ А1—5.
- Бромлей Ю.В. 1973. *Этнос и этнография*. Москва: Наука.
- Бромлей Ю.В. 1981. *Современные проблемы этнографии: очерки теории и истории*. Москва: Наука.
- Васильев С.А. 1985. Проблемы реконструкций позднелепалеолитических обществ и этноархеологические исследования. В: Васильевский Р.С., Холушкин Ю.П. (отв. ред.). *Проблемы реконструкций в археологии*. Новосибирск: Наука, 48—54.
- Векилова Е.А. 1957. Стоянка Сюрень I и ее место среди палеолитических местонахождений Крыма и ближайших территорий. *МИА* 59, 235—323.
- Верещагин Н.К. 1971. Охоты первобытного человека и вымирание плейстоценовых животных. *ТЗИН XLIX*, 200—232.
- Гаврилов К.Н. 1997. Рец. на кн.: From Kostenki to Clovis: Upper Paleolithic — Paleo-Indian Adaptations. Eds. O. Soffer & N.D. Praslov. New York: Plenum Press, 1993. *РА* (4), 200—207.
- Гвоздовер М.Д. 1964. Позднелепалеолитические памятники Нижнего Дона. В: Борисковский П.И., Праслов Н.Д. *Палеолит бассейна Днепра и Приазовья*. САИ А1—5, 37—41.
- Гвоздовер М.Д. 1967. О культурной принадлежности позднелепалеолитических памятников Нижнего Дона. *ВА* 27, 82—101.
- Гладилин В.Н. 1974. Роль народонаселения в процессе взаимодействия природы и общества в каменном веке. В: Герасимов И.П., Величко А.А. (ред.). *Первобытный человек, его материальная культура и природная среда в плейстоцене и голоцене*. Москва: ИГ АН СССР, 71—78.
- Гладких М.И. 1975. Прикарпатская зона хозяйственно-культурного типа охотников и собирателей позднего палеолита. В: *Новые открытия советских археологов*. Тезисы докладов конференции. Ч. I. Киев, 56—57.
- Гладких М.И. 1977. К вопросу о разграничении хозяйственно-культурных типов и историко-этнографических общностей позднего палеолита. В: Бадер О.Н., Иванова И.К. (ред.). *Палеоэкология древнего человека*. Москва: Наука, 112—116.
- Гладких М.И., Станко В.Н. 1997. Эпоха пізнього палеоліту. В: Станко В.Н. (відп. ред.). *Давня історія України*. Т. I. Київ: Наукова думка, 51—113.
- Голованова Л.В., Хоффекер Д.Ф. 2000. Микок на Северном Кавказе. *АА* 9, 52—53.
- Горелик А.Ф. 2001. *Памятники Роголикско-Передельского района. Проблемы финального палеолита Юго-Восточной Украины*. Киев; Луганск: Луганский институт внутренних дел.
- Городцов В.А. 1923. *Археология*. Т. I. *Каменный период*. Москва; Ленинград: Гос. изд-во.
- Григорьева Г.В. 1968. *Позднелепалеолитические памятники Северо-Западного Причерноморья и Северного Приазовья*. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ленинград.
- Громов В.И. 1935. Некоторые новые данные о фауне и геологии палеолита Восточной Европы и Сибири. *ИГАИМК* 118, 83—270.
- Громов В.И. 1948. *Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР*. Москва: Изд-во АН СССР.
- Дворянинов С.А., Сапожников И.В. 1975. О возможной интерпретации двух типов геоморфологического расположения стоянок позднего палеолита и мезолита Северо-Западного Причерноморья. В: Карышковский П.О. (отв. ред.). *150 лет Одесскому археологическому музею*. Тезисы докладов юбилейной конференции. Киев: Наукова думка, 16—18.
- Демиденко Ю.Э. 2001. Сюрень-I (Крым) и степная зона верхнего палеолита юга Восточной Европы. В: Григорьева Г.В. (отв. ред.). *Каменный век Старого Света: к 90-летию П.И. Борисковского*. Тезисы докладов всероссийской конференции. Санкт-Петербург: Академ-Принт, 39—41.
- Демиденко Ю.Э., Нужный Д.Ю. 2003—2004. Проблемы верхнего палеолита Северного Причерноморья и книга И.В. Сапожникова «Большая Аккаржа. Хозяйство и культура позднего палеолита Степной Украины». *Stratum plus* (1), 507—523.
- Долуханов П.М. 1984. *Развитие природной среды и хозяйства первобытного населения Восточной Европы и Передней Азии в позднем плейстоцене и голоцене*. Автореф. дисс. ... док. ист. наук. Москва.
- Долуханов П.М. 1989. Граница плейстоцен-голоцен: природные процессы и социальная адаптация. В: Массон В.М., Праслов Н.Д. (отв. ред.). *Проблемы культурной адаптации в эпоху верхнего палеолита: по материалам Восточной Европы и США*. Тезисы докладов советско-американского семинара. Ленинград: Наука, 18—20.
- Долуханов П.М. 2000. *Истоки этноса*. Санкт-Петербург: Европейский дом.
- Долуханов П.М., Пашкевич Г.А. 1977. Палеогеографические рубежи верхнего плейстоцена — голоцена и развитие хозяйственных типов на юго-

- востоке Европы. В: Иванова И. К., Праслов Н. Д. (отв. ред.). *Палеоэкология древнего человека*. Москва: Наука, 134—145.
- Євсєєв В. М. 1947. Палеолітична стоянка Амвросіївка: попередній звіт про розкопки 1935 р. *Палеоліт і неоліт України I (V)*, 265—281.
- Ефименко П. П. 1933. Капсийцы — охотники и собиратели. *ИГАИМК* 100, 83—99.
- Ефименко П. П. 1938. *Первобытное общество: очерки по истории палеолитического времени*. 2-е изд. Ленинград: Гос. соц.-экон. изд-во.
- Ефименко П. П. 1953. *Первобытное общество: очерки по истории палеолитического времени*. 3-е изд. Киев: Изд-во АН УССР.
- Ефименко П. П. 1960. Переднеазиатские элементы в памятниках позднего палеолита Северного Причерноморья: к происхождению мадленской культуры Восточной Европы. *СА* (4), 14—25.
- Зализняк Л. Л. 1984. *Мезолит Юго-Восточного Полесья*. Киев: Наукова думка.
- Зализняк Л. Л. 1988. Мисливці прильодовикової Європи в кінці палеоліту — на початку мезоліту. *Археологія* 64, 11—21.
- Зализняк Л. Л. 1989. Закономірності в розміщенні стоянок кам'яного віку. *Археологія* (2), 11—20.
- Зализняк Л. Л. 1989а. *Охотники на северного оленя Украинского Полесья эпохи финального палеолита*. Киев: Наукова думка.
- Зализняк Л. Л. 1996. Палеоекономічна реконструкція суспільства степових мисливців. *Археологія* (3), 29—39.
- Зализняк Л. 1998. *Передісторія України X—V тис. до н. е.* Київ: Бібліотека українця.
- Замятнин С. Н. 1951. О возникновении локальных различий в культуре палеолитического периода. *ТИЭ XVI*, 89—152.
- Замятнин С. Н. 1960. Некоторые вопросы изучения хозяйства в эпоху палеолита. *ТИЭ* 54, 80—108.
- Зубарева В. И. 1948. *Опыт реконструкции ископаемого стада зубров*. Дисс. ... канд. биол. наук. Киев.
- Кабо В. Р. 1986. *Первобытная доземледельческая община*. Москва: Наука.
- Кларк Дж. Г. Д. 1953. *Доисторическая Европа: экономический очерк*. Москва: Изд. иностр. лит-ры.
- Колосов Ю. Г. 1964. Некоторые позднелпалеолитические стоянки порожиистой части Днепра: Осокоровка, Дубовая Балка, Ямбург. В: Борисковский П. И., Праслов Н. Д. *Палеолит бассейна Днепра и Приазовья*. САИ А1—5, 43—49.
- Колпаков и др. 1990: Колпаков Е. М., Бочкарев В. С., Васкул И. О., Вишняцкий Л. Б., Власова Е. В., Ковалёв А. А., Чеснокова Н. Н., Шаров О. В. 1990. *Классификация в археологии: терминологический словарь-справочник*. Москва.
- Корнієць Н. Л. 1962. Про причини вимирання мамонта на території України. В: Підоплічко І. Г. (відп. ред.). *Віконні фауни України і суміжних територій*. Київ: Вид-во АН УРСР, 99—169.
- Коробкова Г. Ф. 1989. Предпосылки сложения производящего хозяйства в Северо-Западном Причерноморье. В: Березанская С. С. (отв. ред.). *Первобытная археология: материалы и исследования*. Киев: Наукова думка, 63—76.
- Коробкова Г. Ф. 1989а. Технология и функции орудий труда в условиях региональной адаптации: на примере верхнего палеолита-мезолита Северо-Западного Причерноморья. В: Массон В. М., Праслов Н. Д. (отв. ред.). *Проблемы культурной адаптации в эпоху верхнего палеолита: по материалам Восточной Европы и США*. Тезисы докладов советско-американского семинара. Ленинград: Наука, 48—52.
- Коробкова Г. Ф. 1998. Функциональная типология и хозяйственные системы. В: Княшко В. Я., Ларенок В. А., Потапов В. В. (отв. ред.). *Проблемы археологии Юго-Восточной Европы*. Тезисы докладов VII-й Донской археологической конференции. Ростов-на-Дону, 18—20.
- Коробкова и др. 1982: Коробкова Г. Ф., Смольянинова С. П., Кизь Г. В. 1982. Позднелпалеолитическая стоянка Срединный Горб. В: Дзис-Райко Г. А. (отв. ред.). *Археологические памятники Северо-Западного Причерноморья*. Киев: Наукова думка, 5—18.
- Краснокутский Г. Е. 1992. *Охотничий промысел бизонов в позднем палеолите Северо-Западного Причерноморья*. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Киев.
- Кротова А. А. 1985. *Поздний палеолит Северского Донца и Приазовья*. Автореф. ... дисс. канд. ист. наук. Киев.
- Кротова А. А. 1986. Культурно-хронологическое членение позднелпалеолитических памятников Юго-Востока Украины. В: Неприна В. И., Зализняк Л. Л., Кротова А. А. *Памятники каменного века Левобережной Украины: хронология и периодизация*. Киев: Наукова думка, 6—73.
- Кротова А. А. 1986а. К вопросу об интерпретации Амвросиевского костяка. В: Дегерменджи С. М., Колесник А. В., Дубовская О. Р. (отв. за вып.). *Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе*. Тезисы докладов семинара. Донецк, 14—15.
- Кротова О. О. 1988. Про господарську діяльність пізньопалеолітичного населення степової зони Східної Європи. *Археологія* 64, 1—11.
- Кротова А. А. 1992. Структура позднелпалеолитических памятников бассейна Северского Донца. *КСИА* 206, 68—72.
- Кротова О. О. 1994. Виробництво та суспільні відносини населення Північного Причорномор'я в добу пізнього палеоліту. *Археологія* (1), 19—31.
- Кротова А. А. 1994а. Позднелпалеолитические охотники на бизонов Северного Причерноморья. *АА* 3, 151—160.
- Кротова О. О. 2002. Господарсько-побутовий комплекс та проблеми вивчення структури пізньопалеолітичних пам'яток. *Археологія* (1), 24—31.
- Кротова О. О. 2003. Визначення сезону використання амвросіївського кістковища бізонів. *КДУ* 2, 75—81.
- Левин М. Г., Чебоксаров М. М. 1955. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области: к постановке вопроса. *СЭ* (4), 3—17.
- Левковская Г. М. 1974. Палинологические данные к палеогеографии и хронологии культур каменного века на территории Европейской части СССР, Сибири и сопредельных территорий. В: Герасимов И. П., Величко А. А. (ред.). *Первобытный человек, его материальная культура и природная среда в плейстоцене и голоцене*. Москва: ИГ АН СССР, 204—210.
- Леонова Н. Б. 1985. Планиграфическое исследование свидетельств утилизации охотничьей добычи на материалах верхнелпалеолитической стоянки Каменная Балка II. *КСИА* 181, 12—17.
- Леонова Н. Б. 1989. Возможности выделения критериев длительности обитания на верхнелпалеолитических стоянках. В: Массон В. М., Праслов Н. Д. (отв. ред.). *Проблемы культурной адаптации*

- в эпоху верхнего палеолита: по материалам Восточной Европы и США. Тезисы докладов советско-американского семинара. Ленинград: Наука, 32—34.
- Леонова Н. Б. 1990. Амвросиевка. В: Брей У., Трамп Д. *Археологический словарь*. Москва: Прогресс, 12.
- Леонова Н. Б. 1993. Длительность обитания на позднепалеолитических стоянках. В: Леонова Н. Б., Несмеянов С. А. (ред.). *Проблемы палеоэкологии древних обществ*. Москва: Изд-во РОУ, 74—97.
- Леонова Н. Б. 1996. Палеоэкология и характер природопользования на верхнепалеолитических стоянках района дельты Дона. *АА* 5, 169—174.
- Леонова Н. Б. 1999. Каменная Балка — уникальный археологический район в дельте Дона. *ДА* 3—4, 82—92.
- Леонова Н. Б. 2000. Методы диагностики характера хозяйственной деятельности на памятниках верхнего палеолита. *АА* 9, 137—144.
- Леонова Н. Б. 2002. Динамика изменений природного окружения и структур верхнепалеолитических памятников в Приазовье В: Праслов Н. Д. (отв. ред.). *Верхний палеолит — верхний плейстоцен: динамика природных событий и периодизация археологических культур*. Материалы Международной конференции. Санкт-Петербург: Академ-Принт, 50—57.
- Леонова и др. 2006: Леонова Н. Б., Несмеянов С. А., Виноградова Е. А., Войскова О. А., Гвоздовер М. Д., Миньков Е. В., Спиридонова Е. А., Сычова С. А. 2006. *Палеоэкология равнинного палеолита: на примере комплекса верхнепалеолитических стоянок Каменная Балка в Северном Причерноморье*. Москва: Научный мир.
- Леонова Н. Б., Миньков Е. В. 1987. К вопросу об интерпретации Амвросиевского костяка — уникального памятника позднего палеолита Приазовья. В: Тургиев Т. Б. (отв. ред.). *Проблемы интерпретации археологических источников*. Орджоникидзе: Изд-во СОГУ, 34—50.
- Марков Г. Е. 1979. *История хозяйства и материальной культуры в первобытном и раннеклассовом обществе*. Москва: Изд-во МГУ.
- Марков Г. Е. 1979а. Проблемы сравнительной археологической и этнографической типологии культуры. В: Бромлей Ю. В. (отв. ред.). *Проблемы типологии в этнографии*. Москва: Наука, 147—157.
- Массон В. М. 1976. *Экономика и социальный строй древних обществ*. Ленинград: Наука.
- Массон В. М. 1989. *Первые цивилизации*. Москва: Наука.
- Массон В. М. 1996. *Палеолитическое общество Восточной Европы: вопросы палеоэкономики, культурогенеза и социогенеза*. Санкт-Петербург: Госкомстат.
- Медяник С. И., Сапожников И. В. 2003—2004. Природная среда обитания древнего человека на юго-западе Восточной Европы в позднем палеолите: по данным палинологии стоянки Большая Аккаржа и опорных разрезов. *Stratum plus* (1), 454—566.
- Миньков Е. В. 1990. Методика полевых исследований на верхнепалеолитических памятниках Каменная Балка I и II. *КСИА* 202, 17—20.
- Миньков Е. В. 1991. *Охотничье хозяйство населения Северного Причерноморья в эпоху позднего палеолита: опыт реконструкции*. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Москва.
- Миньков Е. В. 1993. Система природопользования в позднем палеолите: метод и достоверность реконструкций (по материалам степной зоны). В: Леонова Н. Б., Соффер О. А., Несмеянов С. А. (ред.). *Проблемы палеоэкологии древних обществ*. Москва: Изд-во. Рос. отк. ун-та, 19—59.
- Нужный Д. Ю. 1997. Проблема сезонной адаптации финальнопалеолитических мисливців на мамонтів Середнього Подніпров'я і нові епіграфетські пам'ятки у басейні Трубежу. *Археологія* (2), 3—23.
- Оленковский Н. П. 1989. *Поздний палеолит и мезолит Нижнего Днепра*. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Киев.
- Оленковский Н. П. 1991. *Поздний палеолит и мезолит Нижнего Днепра*. Херсон: Ред.-изд. отд. Управл. по печати.
- Оленковский Н. П. 1995. До палеоекономічних досліджень пізнього палеоліту Північного Причорномор'я. *АА* 4, 93—96.
- Оленковский М. П. 2000. *Палеолит та мезолит Присивашья. Проблеми епіграфету України*. Херсон: Придніпров'я.
- Підопличко І. Г. 1938. *Матеріали до вивчення минулих фаун УРСР 1*. Київ: Вид-во АН УРСР.
- Підопличко І. Г. 1948. Амвросієвське знаходище. В: Рудинська Є. V Наукова конференція Інституту археології АН УРСР. *Археологія* II, 215—216.
- Підопличко І. Г. 1953. Амвросієвська палеолітична стоянка і її особливості. *КСИА АН УРСР* 2, 65—68.
- Підопличко І. Г. 1956. *Матеріали до вивчення минулих фаун УРСР 2*. Київ: Вид-во АН УРСР.
- Підопличко І. Г. 1969. *Позднепалеолитические жилища из костей мамонта на Украине*. Киев: Научкова думка.
- Праслов Н. Д. 1989. Отражение культурной адаптации к природной среде в материалах позднего палеолита Русской равнины. В: Массон В. М., Праслов Н. Д. (отв. ред.). *Проблемы культурной адаптации в эпоху верхнего палеолита: по материалам Восточной Европы и США*. Тезисы докладов советско-американского семинара. Ленинград: Наука, 7—9.
- Праслов Н. Д., Филиппов А. К. 1967. Первая находка палеолитического искусства в южно-русских степях. *КСИА* 111, 24—30.
- Праслов Н. Д., Щелинский В. Е. 1996. *Верхнепалеолитическое поселение Золотовка I на Нижнем Дону: археологическое исследование структуры жилого пространства*. Санкт-Петербург: Tourussell.
- Рудинський М. 1931. Деякі підсумки та ближчі завдання палетнологічних вивчень у межах УСРР: палеоліт, епіпалеоліт, ранній неоліт. *Антропологія* IV, 145—184.
- Румянцев А. М. 1985. *Возникновение и развитие первобытного способа производства: первобытное воспроизводящее хозяйство*. Москва: Наука.
- Сапожников И. В. 1987. *Поздний палеолит степей Нижнего Приднестровья*. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ленинград.
- Сапожников И. В. 1989. Еще раз об интерпретации Амвросиевского костяка. В: Дегерменджи С. М., Колесник А. В., Дубовская О. Р. (отв. ред.). *Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе*. Тезисы докладов семинара. Донецк, 72—73.
- Сапожников И. В. 1989а. Степная модель адаптации и фактор культурной конвергенции. В: Массон В. М., Праслов Н. Д. (отв. ред.). *Проблемы культурной адаптации в эпоху верхнего палеолита: по материалам Восточной Европы и США*.

- Тезисы докладов советско-американского семинара. Ленинград: Наука, 30—31.
- Сапожников И.В. 1992. Хозяйственная специфика степной историко-культурной области. *КСИА* 206, 43—48.
- Сапожников И.В. 1995. Причерноморские степи в позднем палеолите: природно-хозяйственная и культурная специфика. В: Сапожникова Г.В., Коробкова Г.Ф., Сапожников И.В. *Хозяйство и культура населения Южного Побужья в позднем палеолите и мезолите*. Одесса; Санкт-Петербург: Гермес, 149—176.
- Сапожников И.В. 2003. *Большая Аккаржа: хозяйство и культура позднего палеолита Степной Украины*. Киев: Шлях.
- Сапожников И.В. 2003а. Степова область Східної Європи в пізньому палеоліті: сезонність пам'яток та річний господарський цикл. *КДУ* 2, 87—107.
- Сапожников И.В. 2003б. Природная обстановка на западе степной зоны Восточной Европы в палеолите. *АА* 13, 199—217.
- Сапожников И.В. 2004. Многослойная стоянка Михайловка (Белолесье): проблемы стратиграфии и датировки. *ССПК* XI, 299—316.
- Сапожников И.В., Сапожникова Г.В. 1990. Функциональное назначение памятников каменного века и характер кремневого инвентаря: по материалам позднепалеолитических стоянок степной зоны Европейской части СССР. В: Деревянко А.П. (отв. ред.). *Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной, Восточной Азии и Америки*. Доклады международного семинара. Новосибирск: Наука, 269—272.
- Сапожников И.В., Сапожникова Г.В. 2001. Співвідношення природно-господарських областей та господарсько-культурних типів: на прикладі пізнього палеоліту степової зони. *ВА* 3—4, 22—30.
- Сапожников И.В., Сапожникова Г.В. 2002. Пізньопалеолітичні господарсько-побутові комплекси та житла Степової України. *КДУ* 1, 82—95.
- Сапожников И.В., Сапожникова Г.В. 2011. Каменный век Северо-Западного Причерноморья. *Stratum plus* (1), 15—149.
- Сапожников И.В., Секерська О.П. 2001. Археозоологія поселення Велика Аккаржа: матеріали до реконструкції господарсько-культурного типу пізньопалеолітичних степових мисливців. *Археологія* (2), 103—110.
- Сапожникова Г.В. 1986. *Взаимоотношение культур и хозяйственных комплексов финального палеолита и мезолита Южного Побужья*. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ленинград.
- Сапожникова Г.В. 2005. Амвросиевское костыще и его назначение: по трасологическим исследованиям каменных орудий. В: Аникович М.В. (отв. ред.). *Проблемы ранней поры верхнего палеолита Костенковско-Борщевского района и сопредельных территорий*. Санкт-Петербург: Академ-Принт, 234—239.
- Сапожникова Г.В. 2007. Елементи відтворюючого господарства в пізньому палеоліті і мезоліті Східної Європи. *КДУ* 10, 126—130.
- Сапожникова и др. 1995: Сапожникова Г.В., Коробкова Г.Ф., Сапожников И.В. 1995. *Хозяйство и культура населения Южного Побужья в позднем палеолите и мезолите*. Одесса; Санкт-Петербург: Гермес.
- Свод... 1986: Бромлей Ю.В., Штробах Г. (отв. ред.). 1986. *Свод этнографических понятий и терминов*. Вып. 1. *Социально-экономические отношения и соционормативная культура*. Москва: Наука.
- Секерська О.П. 1999. Фауністичний комплекс пізнього палеоліту нижнього Дніпра та Присивашся. В: Оленковський М.П. (від. ред.). *Археологічна збірка Херсонської інспекції охорони пам'яток*. Херсон: Придніпров'я, 44—47.
- Секерская Е.П. 2003. Фаунистический комплекс поселения Большая Аккаржа: по материалам раскопок 1988—1993 годов. В: Сапожников И.В. *Большая Аккаржа: хозяйство и культура позднего палеолита Степной Украины*. Киев: Шлях, 286—288.
- Семенов Ю.И. 1973. О материнском роде и оседлости в позднем палеолите. *СЭ* (4), 52—65.
- Сергин В.Я. 1992. О сезонах обитания на палеолитических поселениях. *КСИА* 206, 48—52.
- Симченко Ю.Б. 1976. *Культура охотников на оленей Северной Евразии: этнографическая реконструкция*. Москва: Наука.
- Смирнов С.В. 1977. Позднепалеолитические памятники Надпорожья и их место среди памятников степной полосы Европейской части СССР. В: Праслов Н.Д. (отв. ред.). *Проблемы палеолита Восточной и Центральной Европы*. Ленинград: Наука, 149—157.
- Смольянинова С.П. 1989. Карта памятников каменного века Степного Побужья. В: Станко В.Н., Григорьева Г.В., Швайко Т.Н. *Позднепалеолитическое поселение Анетовка II*. Киев: Наукова думка, 113—126.
- Смольянинова С.П. 1990. *Палеолит и мезолит степного Побужья*. Киев: Наукова думка.
- Смыньтына Е.В. 2000. Палеоэкологическое районирование степной Украины в эпоху раннего мезолита. *Stratum plus* (1), 463—476.
- Сминтина О.В. 2001. *Зональність ранньопервісних культур: дослідження, факти, теорії*. Одесса: Астропринт.
- Соффер О.А. 1993. Экономика верхнего палеолита: продолжительность заселения стоянок на Русской равнине. *РА* (3), 5—17.
- Станко В.Н. 1989. Палеоэкологическая обстановка в позднем палеолите Северного Причерноморья. В: Массон В.М., Праслов Н.Д. (отв. ред.). *Проблемы культурной адаптации в эпоху верхнего палеолита: по материалам Восточной Европы и США*. Тезисы докладов советско-американского семинара. Ленинград: Наука, 27—29.
- Станко В.Н. 1990. Некоторые аспекты изучения экономики населения степного Причерноморья в позднем палеолите. В: Оленковский Н.П. (отв. ред.). *Проблемы первобытной археологии Северного Причерноморья*. Тезисы докладов конференции. Ч. I. Херсон, 11—13.
- Станко В.Н. 1992. Палеоэкологическая ситуация в мезолите Северного Причерноморья. *Studia prae-historica* 11—12, 8—27.
- Станко В.Н. 1996. Охотники на бизона в позднем палеолите Украины. *АА* 5, 129—138.
- Станко В.Н. 1997. Промысел бизонов в палеолите Северного Причерноморья. *ЗІФ* 5, 3—10.
- Станко В.Н. 1999. Анетовка II — позднепалеолитическое поселение и святилище охотников на бизонов в Северном Причерноморье. *Stratum plus* (1), 322—325.
- Старкин А.В. 2000. Морфологические особенности представителей мамонтовой фауны в позднепалеолитических териосообществах. В: Станко В.Н. (отв. ред.). *Археологія та етнологія Східної Європи: матеріали і дослідження*. Одес-

- са: Астропринт, 21—38.
- Степанов В.П. 1973. Природная среда и зональность первобытного хозяйства в эпоху верхнего палеолита на территории СССР. В: *Первобытный человек, его материальная культура и природная среда в плейстоцене и голоцене*. Тезисы докладов Всесоюзного симпозиума. Москва, 34—37.
- Степанов В.П. 1976. Природная среда и зональность первобытного хозяйства в эпоху верхнего палеолита на территории СССР. В: Марков К.К. (отв. ред.). *Проблемы общей физической географии и палеогеографии*. Москва: Изд. Московского ун-та, 300—322.
- Степанов В.П. 1982. Палеогеография и экология позднепалеолитических и мезолитических поселений в Восточной Европе. В: *XI конгресс ИНКВА*. Тезисы докладов II. Москва: ВИНТИ, 272—273.
- Степанчук и др. 2004: Степанчук В.М., Коен В.Ю., Герасименко Н.П., Дамблон Ф., Езартс П., Журавльов О.П., Ковалюх М.М., Петрунь В.Ф., Пліхт Й., Пучков П.В., Рековець Л.І., Тернер Х.Г. 2004. Багатошарова стоянка Міра на Середньому Дніпрі: основні результати розкопок 2000 року. *КДУ* 5, 62—98.
- Стефенсон Р. 1969. Заселение человеком Великих равнин в четвертичном периоде. В: Райт Г., Фрей Д. (ред.). *Четвертичный период в США II*. Москва: Мир, 308—326.
- Столяр А.Д. 1985. *Происхождение изобразительного искусства*. Москва: Искусство.
- Тодд Л.С. 1986. Исследование скопления остатков бизонов из раннеголоценовой стоянки Хорнер, парк Каунти, Вайоминг, США. В: Карташов И.П., Никифорова К.В. (отв. ред.). *Исследования четвертичного периода*. Москва: Наука, 168—176.
- Тунманн И. 1990. *Крымское ханство*. Симферополь: Таврия.
- Файнберг Л.А. 1986. Раннепервобытная община охотников, собирателей, рыболовов. В: Бромлей Ю.В. (отв. ред.). *История первобытного общества: эпоха первобытной родовой общины*. Москва: Наука, 130—235.
- Фрайсон Д.С. 1986. Добыча бизонов и анализ каменных орудий на палеолитической стоянке Хорнер, парк Каунти, Вайоминг, США. В: Карташов И.П., Никифорова К.В. (отв. ред.). *Исследования четвертичного периода*. Москва: Наука, 176—183.
- Хазанов А.М. 1973. Природно-хозяйственные различия в каменном веке и проблема первичности материнского рода. *СЭ* (1), 114—121.
- Чебоксаров Н.Н., Чебоксарова И.А. 1986. *Народы. Расы. Культуры*. Москва: Наука.
- Черниш О.П. 1953. *Володимирівська палеолітична стоянка*. Київ: Вид-во АН УРСР.
- Чеснов Я.В. 1982. Об этнической специфике хозяйственно-культурных типов. В: Бромлей Ю.В. (отв. ред.). *Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе*. Москва: Наука, 109—123.
- Шмидт А.В. 1932. Типы родового общества по археологическим данным. В: Маторин Н.М. (ред.). *Первобытное общество*. Москва: Журнально-газетное объединение, 235—254.
- Шовкопляс И.Г. 1966. О локальных различиях в развитии культуры позднего палеолита. В: Рыбаков Б.А. (отв. ред.). *VII Международный конгресс доисториков и протоисториков. Доклады и сообщения археологов СССР*. Москва: Наука, 41—43.
- Artur G.W. 1975. *An Introduction to the Ecology of Early Historic Communal Bison Hunting among the Northern Plains Indians*. Ottawa: National Museums of Canada.
- Boriskovsky P.I. 1993. Determining Upper Paleolithic Historicocultural Regions: a Case Study. In: Soffer O., Praslov N.D. (eds.). *From Kostenki to Clovis: Upper Paleolithic — Paleo-Indian Adaptations*. New York: Plenum Press, 143—147.
- Dolukhanov P.M. 1993. The Pleistocene—Holocene Boundary: Environmental Processes and Social Adaptions. In: Soffer O., Praslov N.D. (eds.). *From Kostenki to Clovis: Upper Paleolithic — Paleo-Indian Adaptations*. New York: Plenum Press, 189—197.
- Frison G.C. 1978. *Prehistoric Hunters of the High Plains*. New York; San Francisco; London: Academic Press.
- Frison G.C. 1982. Paleoindian Winter Subsistence Strategies on the High Plains. In: Ubelaker D., Viola H. (eds.). *Plains Indian studies: a collection of essays in honor of John C. Ewers and Waldo R. Wedel*. Washington, D.C.: Smithsonian Institution Press, 193—201.
- Frison G.C. 1998. Paleoindian Large Mammal Hunters on the Plains of North America. *PNAS* 95, 14576—14583.
- Frison G.C., Stanford D.J. 1982. *The Agate Basin Site. A Record of the Paleoindian Occupation of the Northwestern High Plains*. New York: Academic Press.
- Garetson M.S. 1938. *The American Bison: The Story of its Extermination as a Wild Species and its Restoration Under Federal Protection*. New York: New York Zoological Society.
- Grigorieva G.V. 1999. Les chasseurs de bison au Paléolithique supérieur dans la zone steppique du nord de la mer Noire. In: Brugal J.-Ph., David Fr., Jaubert J. (eds.). *Le Bison: gibier et moyen de subsistance des hommes du paléolithique aux Paléindiens des Grandes Plaines: Actes du colloque international, Toulouse, 6—10 juin 1995*. Antibes: APDCA, 361—365.
- Grinnell G.B. 1904. The Bison. In: Whitney C., Grinnell G.B., Wister O. (authors). *Musk-Ox, Bison, Sheep and Goat*. New York: Macmillan Co, 138—142.
- Hoffecker et al. 1991: Hoffecker J.F., Baryshnikov G.F., Potapova O.R. 1991. Vertebrate Remains from the Mousterian Site Il'skaya I (Northern Caucasus, USSR): New Analysis and Interpretations. *JAS* 18, 113—147.
- Kehoe T.F. 1973. *The Gull Lake Site: A Prehistoric Bison Drive Site in Southwestern Saskatchewan*. Milwaukee: Milwaukee Public Museum.
- Kellsal J.P. 1968. *The Migratory Barren-ground Caribou of Canada*. Ottawa: Queen's Printer.
- Korobkova G.F. 1993. The Technology and Function of Tools in the Context of Regional Adaptations: A Case Study of the Upper Paleolithic and Mesolithic of the Northwestern Black Sea Region. In: Soffer O., Praslov N.D. (eds.). *From Kostenki to Clovis: Upper Paleolithic — Paleo-Indian Adaptations*. New York: Plenum Press, 159—173.
- Krasnokutsky G. 1996. *Bison Hunting and Human Adaptation: A Case of Comparative Study of the Upper Palaeolithic of Southern Ukraine*. Odessa: Polis Press.
- Krotova A.A., Belan N.G. 1993. Amvrosievka: A Unique Upper Paleolithic Site in Eastern Europe. In: Soffer O., Praslov N.D. (ed.). *From Kostenki to Clovis: Upper Paleolithic — Paleo-Indian Adaptations*. New York: Plenum Press, 125—142.
- Leonova N.B. 1993. Criteria for Estimating the Duration of Occupation at Paleolithic sites: an example from Kamennaya Balka II. In: Soffer O., Praslov N.D.

- (eds.). *From Kostenki to Clovis: Upper Paleolithic — Paleo-Indian Adaptations*. New York: Plenum Press, 149—157.
- Leonova N.B. 1994. The Upper Paleolithic of the Russian Steppe Zone. *JWP* 8 (2), 3—50.
- Leonova N.B. 2003. Dwellings in the Eastern Steppe Zone. In: Vasil'ev S.A., Soffer O., Kozłowski J.K. (eds.). *Perceived Landscapes and Built Environments: The Cultural Geography of Late Paleolithic Eurasia*. BAR 1122, 17—24.
- Leonova N.B., Min'kov E.V. 1988. Spatial Analysis of Faunal Remains from Kamennaya Balka II. *JAA* 7, 203—230.
- Medeanic S., Sapozhnikov I. 2006. Late Palaeolithic Bison Hunter Site Bolshaya Akkarzha in the Environment of the Southeastern Europe. *Eurasian Prehistory* 4 (1—2), 87—98.
- Monks G.G. 1981. Seasonality Studies. In: Schiffer M.B. (ed.). *Advances in Archaeological Method and Theory* 4. New York: Academic Press, 3—9.
- Müller-Wille W. 1954. Arten der menschlichen Siedlung. Versuche einer Begriffsbestimmung und Klassifikation. *Abhandlungen der Akademie für Raumforschung* 28, 141—163.
- Oliver S.C. 1963. *Ecology and Cultural Continuity as Contributing Factors in the Social Organizations of the Plains Indians*. University of California Publications in American Archaeology and Ethnography 48.
- Roe F.G. 1970. *The North American Buffalo: A Critical Study of the Species*. Toronto: University of Toronto Press.
- Sapozhnikov I.V. 1989. The Steppes in the Late Paleolithic: Steppe Model of Adaptation and the Factor of Cultural Convergence. *Antiquity* 63 (241), 791.
- Sapozhnikov I. 2006. Development of the Landscape and Human Societies on the Northern Black Sea Steppes During the Late Paleolithic (ca. 32—10 ky BP). In: Catto N. (ed.). *Black Sea — Mediterranean Corridor During the Last 30 ky: Sea Level Change and Human Adaptation*. Extended Abstract 2nd Plenary Meeting and Field Trip of Project IGCP-521 (2005—2009). Odessa: Astroprint, 147—148.
- Sapozhnikova G. 2005. The Elements of Reproducing Economy in Upper Paleolithic and Mesolithic Sites of Southern Ukraine. In: Aspes Al., Longo L. (eds.). *“Prehistoric Technology” 40 Years Later: Functional Studies and Russian Legacy*. Book of Abstracts of the International Congress. Verona: Cierre Grafica, 42—43.
- Sapozhnikova G., Sapozhnikov I. 2005. Functional Typology Upper Palaeolithic Stone Equipment from Eastern Europe Steppe. In: Aspes Al., Longo L. (eds.). *“Prehistoric Technology” 40 Years Later: Functional Studies and Russian Legacy*. Book of Abstracts of the International Congress. Verona: Cierre Grafica, 133—134.
- SIRR 1977: *Smithsonian Institution Research Reports* 16. 1977. Washington.
- Soffer O. 1985. *The Upper Paleolithic of the Central Russian Plain*. San Diego: Academic Press.
- Speth J.D. 1983. *Bison Kills and Bone Counts*. Chicago; London: University of Chicago Press.
- Speth J.D., Parry W.J. 1980. *Late Prehistoric Bison Procurement in Southeastern New Mexico: the 1978 season at the Garnsey Site (LA-18399)*. Ann Arbor: Museum of Anthropology, University of Michigan.
- Todd L.C. 1987. Analysis of Kill-Butchery Bonebeds and Interpretation of Paleoindian Hunting. In: Nitecki M.H., Nitecki D.V. (eds.). *The Evolution of Human Hunting*. New York: Plenum Press, 225—266.
- Todd L.C. 1991. Seasonality Studies and Paleoindian Subsistence Strategies. In: Stiner M.C. (ed.). *Human Predators and Prey Mortality*. Boulder, Colorado: Westview Press, 217—238.
- Wedel W.R. 1941. *Environment and Native Subsistence Economics in the Central Great Plains*. Washington: Smithsonian Institute.
- Wedel W.R. 1964. The Great Plains. In: Norbeck Ed., Jennings J.D. (eds.). *Prehistoric Man in the New World*. Chicago: University of Chicago Press, 193—222.
- Wheat J.B. 1967. A Paleo-Indian Bison Kill. *SA* 216 (1), 44—52.
- Wheat J.B. 1972. *The Olsen Chubbock Site: a Paleo-Indian Bison Kill*. *Memoirs of the Society for American Archaeology* 26.
- Wissler C. 1922. *The American Indian: an Introduction to the Anthropology of the New World*. New York: Oxford University Press (2nd ed.).
- Wittaker W.E., Enloe J.G. 2000. Bison Dentition Studies Revisited: Resolving Ambiguity Between Archaeological and Modern Control Samples. *Archaeozoologia* XI, 113—120.

References

- Abramova, Z. A. 2001—2002. In *Stratum plus (Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology)* (1), 171—195 (in Russian).
- Averkiewa, Yu. P. 1959. In *Narody Ameriki (Peoples of America)*. Vol. I. Moscow: AN SSSR, 243—265 (in Russian).
- Averkiewa, Yu. P. 1974. *Indeitsy Severnoi Ameriki: ot rodovogo obshchestva k klassovomu (The Indians of Northern America: from tribal to class society)*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Alexeev, V. P. 1984. *Stanovlenie chelovechestva (The formation of mankind)*. Moscow: Politizdat (in Russian).
- Andrianov, B. V. 1981. In *Obshchestvo i priroda: istoricheskie etapy i formy vzaimodeistviia (Society and nature: historical stages and ways of interaction)*. Moscow: Nauka, 250—261 (in Russian).
- Andrianov, B. V. 1985. *Neosedloe naselenie mira: istoriko-etnograficheskoe issledovanie (The non-sedentary population of the world: historical and ethnographical study)*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Andrianov, B. V., Chebokarov, N. N. 1972. In *Sovetskaia etnografiia (Soviet Ethnography)* (2), 3—16 (in Russian).
- Anikovich, M. V. 1992. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arheologii Akademii nauk SSSR (Brief reports of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of USSR)* 206, 34—42 (in Russian).
- Anikovich, M. V. 1998. In *Vostochnyi gravett (The eastern Gravettian)*. Moscow: Nauchnyi mir, 35—66 (in Russian).
- Anikovich, M. V. 2001. In *Kamennyi vek Starogo Sveta: k 90-letiiu P. I. Boriskovskogo (Old World Stone Age: to the anniversary of 90 years from the birth of P. I. Boriskovskii)*. Saint Petersburg: Akadem-Print, 10—12 (in Russian).
- Balakin, S. A. 1985. In *Arkheologiya i metody istoricheskoi rekonstruktsii (Archaeology and methods of historical reconstruction)*. Kiev: Naukova dumka, 91—106 (in Russian).
- Baskin, L. M. 1976. *Povedenie kopytnykh zhivotnykh (The behavior of hoofed mammals)*. Moscow: Nauka.
- Baskin, L. M. 1979. In *Zubr (The European bison)*. Moscow: Nauka, 442—470 (in Russian).
- Bakeless, J. 1969. *Amerika glazami pervootkryvatelei (America as seen by its first explorers)*. Moscow: Progress (in Russian).

- Bylyayeva, V. I. 2002. In *Arkheologiya (Archaeology)* (1), 31—37 (in Ukrainian).
- Bibikova, V. I. 1950. In *Biulleten' Moskovskogo obshchestva ispytatelei prirody. Otdelenie biologii (Bulletin of the Moscow Society of Naturalists. Department of Biology)* LV (5), 35—43 (in Russian).
- Bibikova, V. I., Starkin, A. V. 1985. In *Vestnik zoologii (Bulletin of Zoology)* 5, 47—51 (in Russian).
- Bibikova, V. I., Starkin, A. V. 1989. In *Pozdnepaleoliticheskoe poselenie Anetovka II (The Late Paleolithic settlement of Anetovka II)*. Kiev: Naukova dumka, 127—131 (in Russian).
- Boriskovsky, P. I. 1940. *Lyudyna kam'yanoho viku na Ukraïni (The Stone Age man in Ukraine)*. Kiev: AN URSSR (in Ukrainian).
- Boriskovsky, P. I. 1951. In *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Reports of the Institute for the History of Material Culture)* XXXVII, 9—22 (in Russian).
- Boriskovsky, P. I. 1953. *Paleolit Ukraïny: istoriko-arkheologicheskie ocherki (Paleolithic of Ukraine: historical and archaeological essays)*. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and researches on the archaeology of USSR) 40 (in Russian).
- Boriskovsky, P. I. 1964. *Problema razvitiia pozdnepaleoliticheskoi kul'tury stepnoi oblasti (The problem of the development of Late Paleolithic culture in the steppe zone)*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Boriskovsky, P. I. 1984. In *Paleolit SSSR (The Paleolithic of USSR)*. Arkheologiya SSSR (Archaeology of USSR). Moscow: Nauka, 9—16 (in Russian).
- Boriskovsky, P. I. 1984. In *Paleolit SSSR (The Paleolithic of USSR)*. Arkheologiya SSSR (Archaeology of USSR). Moscow: Nauka, 348—355 (in Russian).
- Boriskovsky, P. I. 1989. In *Problemy kul'turnoi adaptatsii v epokhu verkhnego paleolita: po materialam Vostochnoi Evropy i SShA (Problems of Cultural Adaptation in Upper Paleolithic: basing on the materials from Eastern Europe and USA)*. Leningrad: Nauka, 24—27 (in Russian).
- Boriskovsky, P. I., Praslov, N. D. 1964. *Paleolit basseina Dnepra i Priazov'ia (The Paleolithic of Dnepr basin and Azov region)*. Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) A1—5 (in Russian).
- Bromley, Yu. V. 1973. *Etnos i etnografiia (Ethnos and ethnography)*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Bromley, Yu. V. 1981. *Sovremennye problemy etnografii: ocherki teorii i istorii (Actual problems of ethnography: essays on theory and history)*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Vasiliev, S. A. 1985. In *Problemy rekonstruktsii v arkheologii (Problems of reconstruction in archaeology)*. Novosibirsk: Nauka, 48—54 (in Russian).
- Vekilova, E. A. 1957. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and researches on the archaeology of USSR)* 59, 235—323 (in Russian).
- Vereshchagin, N. K. 1971. In *Trudy Zoologicheskogo instituta Akademii nauk SSSR (Proceedings of the Zoological Institute of the Academy of Sciences of USSR)* XLIX, 200—232 (in Russian).
- Gavrilov, K. N. 1997. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (4), 200—207 (in Russian).
- Gvozdover, M. D. 1964. In *Paleolit basseina Dnepra i Priazov'ia (The Paleolithic of Dnepr basin and Azov region)*. Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) A1—5, 37—41 (in Russian).
- Gvozdover, M. D. 1967. In *Voprosy antropologii (Questions of Anthropology)* 27, 82—101 (in Russian).
- Gladilin, V. N. 1974. In *Pervobytnyi chelovek, ego material'naia kul'tura i prirodnaia sreda v pleistotsene i golotsene (Prehistoric man, his material culture and natural environment in the Pleistocene and Holocene)*. Moscow: IG AN SSSR, 71—78 (in Russian).
- Gladkikh, M. I. 1975. In *Novye otkrytiia sovetskikh arkheologov (New discoveries of Soviet archaeologists)*. P.I. Kiev, 56—57 (in Russian).
- Gladkikh, M. I. 1977. In *Paleoekologiya drevnego cheloveka (Paleoecology of prehistoric man)*. Moscow: Nauka, 112—116 (in Russian).
- Gladkikh, M. I., Stanko, V. N. 1997. In *Davnya istoriya Ukraïny (Ancient history of Ukraine)*. Vol. I. Kiev: Naukova dumka, 51—113 (in Ukrainian).
- Golovanova L. V., Hoffeker D. F. 2000. In *Arheologicheskii Al'manah (Archaeological Almanac)* 9, 52—53 (in Russian).
- Gorelik, A. F. 2001. *Pamiatniki Rogalisko-Peredel'skogo raiona. Problemy final'nogo paleolita Iugo-Vostochnoi Ukraïny (Sites of Rogalisko-Peredel'skii district. Problems of the Final Paleolithic of South-Eastern Ukraine)*. Kiev: Lugansk: Luganskii institut vnutrennikh del (in Russian).
- Gorodtsov, V. A. 1923. *Arkheologiya (Archaeology)*. Vol. I. Kamennyi period (Stone Age). Moscow; Leningrad: Gosizdat (in Russian).
- Grigoryeva, G. V. 1968. *Pozdnepaleoliticheskie pamiatniki Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia i Severnogo Priazov'ia (Late Paleolithic sites of North-Eastern Black Sea and Northern Azov regions)*. Leningrad (in Russian).
- Gromov, V. I. 1935. In *Izvestiia Gosudarstvennoi Akademii istorii material'noi kul'tury (Reports of the State Academy for the History of Material Culture)* 118, 83—270 (in Russian).
- Gromov, V. I. 1948. *Paleontologicheskoe i arkheologicheskoe obosnovanie stratigrafii kontinental'nykh otlozhenii chetvertichnogo perioda na territorii SSSR (Paleontological and archaeological substantiation of the stratigraphy of Quaternary continental sediments on the territory of USSR)*. Moscow: AN SSSR (in Russian).
- Dvoryaninov, S. A., Sapozhnikov, I. V. 1975. In *150 let Odesskomu arkheologicheskomu muzeiu (Anniversary of 150 years to Odessa Archaeological Museum of AN USSR)*. Kiev: Naukova dumka, 16—18 (in Russian).
- Demidenko, Yu. E. 2001. In *Kamennyi vek Starogo Sveta: k 90-letiiu P. I. Boriskovskogo (Old World Stone Age: to the anniversary of 90 years from the birth of P. I. Boriskovsky)*. Saint Petersburg: Akadem-Print, 39—41 (in Russian).
- Demidenko, Yu. E., Nuzhnyi, D. Yu. 2003—2004. In *Stratum plus (Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology)* (1), 507—523 (in Russian).
- Dolukhanov, P. M. 1984. *Razvitie prirodnoi sredy i khoziaistva pervobytnogo naseleniia Vostochnoi Evropy i Perednei Azii v pozdnem pleistotsene i golotsene (Development of natural environment and economy of the prehistoric population of Eastern Europe and Western Asia in late Pleistocene and Holocene)*. Moscow (in Russian).
- Dolukhanov, P. M. 1989. In *Problemy kul'turnoi adaptatsii v epokhu verkhnego paleolita: po materialam Vostochnoi Evropy i SShA (Problems of Cultural Adaptation in Upper Paleolithic: basing on the materials from Eastern Europe and USA)*. Leningrad: Nauka, 18—20 (in Russian).
- Dolukhanov, P. M. 2000. *Istoki etnosa (Origin of ethnos)*. Saint Petersburg: Evropeiskii dom (in Russian).
- Dolukhanov, P. M., Pashkevich, G. A. 1977. In *Paleoekologiya drevnego cheloveka (The Paleoecology of Prehistoric Man)*. Moscow: Nauka, 134—145 (in Russian).
- Evseev, V. M. 1947. In *Paleolit i neolit Ukraïny (The Paleolithic and Neolithic of Ukraine)* I (V), 265—281 (in Ukrainian).
- Efimenko, P. P. 1933. In *Izvestiia Gosudarstvennoi Akademii istorii material'noi kul'tury (Reports of the State Academy for the History of Material Culture)* 100, 83—99 (in Russian).
- Efimenko, P. P. 1938. *Pervobytnoe obshchestvo: ocherki po istorii paleoliticheskogo vremeni (Primitive society. Essays on the history of the Paleolithic period)*. 2nd ed. Leningrad: Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo (in Russian).
- Efimenko, P. P. 1953. *Pervobytnoe obshchestvo: ocherki po istorii paleoliticheskogo vremeni (Primitive society. Essays on the history of the Paleolithic period)*. 3rd ed. Kiev: AN USSR (in Russian).
- Efimenko, P. P. 1960. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (4), 14—25 (in Russian).
- Zaliznyak, L. L. 1984. *Mezolit Iugo-Vostochnogo Poles'ia (Mesolithic of the South-Eastern Poles'ie region)*. Kiev: Naukova dumka (in Russian).
- Zaliznyak, L. L. 1988. In *Arkheolohiya (Archaeology)* 64, 11—21 (in Ukrainian).
- Zaliznyak, L. L. 1989. In *Arkheolohiya (Archaeology)* (2), 11—20 (in Ukrainian).

- Zaliznyak, L. L. 1989. *Okhotniki na severnogo olenia Ukrainskogo Poles'ia epokhi final'nogo paleolita (Reindeer-hunters of Ukrainian Poles'ie region in Final Paleolithic)*. Kiev: Naukova dumka (in Russian).
- Zaliznyak, L. L. 1996. In *Arkheolohiya (Archaeology)* (3), 29—39 (in Ukrainian).
- Zaliznyak, L. 1998. *Peredistoriya Ukrainy X—V tys. do n. e. (The prehistory of Ukraine in the X – V millennia BC)*. Kiev: Biblioteka ukrains'ya (in Ukrainian).
- Zamyatnin, S. N. 1951. In *Trudy Instituta Etnografii (Proceedings of the Institute of Ethnography)* XVI, 89—152 (in Russian).
- Zamyatnin, S. N. 1960. In *Trudy Instituta Etnografii (Proceedings of the Institute of Ethnography)* 54, 80—108 (in Russian).
- Zubareva, V. I. 1948. *Opyt rekonstruktsii iskopaemogo stada zubrov (An attempt of reconstruction of a herd of prehistoric European bisons)*. Kiev (in Russian).
- Kabo, V. R. 1986. *Pervobytnaia dozemledel'cheskaia obshchina (Prehistoric pre-agricultural society)*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Clark, J. G. D. 1953. *Doistoricheskaya Evropa: ekonomicheskii ocherk (Prehistoric Europe: the economic basis)*. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoi literatury (in Russian).
- Kolosov, Yu. G. 1964. In *Paleolit basseina Dnepra i Priazov'ia (The Paleolithic of Dnepr basin and Azov region)*. *Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources)* A1—5, 43—49 (in Russian).
- Kolpakov, E. M., Bochkarev, V. S., Vaskul, I. O., Vishnyatsky, L. B., Vlasova, E. V., Kovalev, A. A., Chesnokova, H. H., Sharov, O. V. 1990. *Klassifikatsiia v arkhologii: terminologicheskii slovar'-spravochnik*. Moscow (in Russian).
- Korniets, N. L. 1962. In *Vykopni fauny Ukrainy i sumizhnykh terytorij (The fossil faunae of Ukraine and surrounding territories)*. Kiev: AN URSR, 99—169 (in Ukrainian).
- Korobkova, G. F. 1989. In *Pervobytnaia arkhologiya: materialy i issledovaniia (Archaeology of prehistory: materials and studies)*. Kiev: Naukova dumka, 63—76 (in Russian).
- Korobkova, G. F. 1989. In *Problemy kul'turnoi adaptatsii v epokhu verkhnego paleolita: po materialam Vostochnoi Evropy i SSHA (Problems of Cultural Adaptation in Upper Paleolithic: basing on the materials from Eastern Europe and USA)*. Leningrad: Nauka, 48—52 (in Russian).
- Korobkova, G. F. 1998. In *Problemy arkhologii Iugo-Vostochnoi Evropy (Problems of archaeology of South-Eastern Europe)*. Rostov-na-Donu, 18—20 (in Russian).
- Korobkova, G. F., Smolyaninova, S. P., Kiz, G. V. 1982. In *Arkheologicheskie pamiatniki Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia (Archaeological sites of the North-western Pontic region)*. Kiev: Naukova dumka, 5—18 (in Russian).
- Krasnokutsky, G. E. 1992. *Okhotnichii promysel bizonov v pozdnem paleolite Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia (European bison hunting in the Late Paleolithic of North-Western Pontic area)*. Kiev (in Russian).
- Krotova, A. A. 1985. *Pozdnii paleolit Severskogo Dontsa i Priazov'ia (Late Paleolithic of Severskii Donets and Azov region)*. Kiev (in Russian).
- Krotova, A. A. 1986. In *Pamiatniki kamennogo veka Levoberezhnoi Ukrainy: khronologiya i periodizatsiia (Stone Age sites in the Left bank Ukraine: chronology and periodization)*. Kiev: Naukova dumka, 6—73 (in Russian).
- Krotova, A. A. 1986. In *Problemy okhrany i issledovaniia pamiatnikov arkhologii v Donbasse (Problems of protection and research of archaeological sites in Donbas)*. Donetsk, 14—15 (in Russian).
- Krotova, O. O. 1988. In *Arkheolohiya (Archaeology)* 64, 1—11 (in Ukrainian).
- Krotova, A. A. 1992. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkhologii Akademii nauk SSR (Brief reports of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of USSR)* 296, 68—72 (in Russian).
- Krotova, O. O. 1994. In *Arkheolohiya (Archaeology)* (1), 19—31 (in Ukrainian).
- Krotova, A. A. 1994. In *Arkheologicheskii al'manakh (Archaeological Almanac)* 3, 151—160 (in Russian).
- Krotova, O. O. 2002. In *Arkheolohiya (Archaeology)* (1), 24—31 (in Ukrainian).
- Krotova, O. O. 2003. In *Kam'yana doba Ukrainy (The Stone Age of Ukraine)* 2, 75—81 (in Ukrainian).
- Levin, M. G., Cheboksarov, M. M. 1955. In *Sovetskaia Etnografiia (Soviet Ethnography)* (4), 3—17 (in Russian).
- Levkovskaya, G. M. 1974. In *Pervobytnyi chelovek, ego material'naia kul'tura i prirodnaia sreda v pleistotsene i golotsene (Prehistoric man, his material culture and natural environment in the Pleistocene and Holocene)*. Moscow: IG AN SSSR, 204—210 (in Russian).
- Leonova, N. B. 1985. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkhologii Akademii nauk SSSR (Brief reports of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of USSR)* 181, 12—17 (in Russian).
- Leonova, N. B. 1989. In *Problemy kul'turnoi adaptatsii v epokhu verkhnego paleolita: po materialam Vostochnoi Evropy i SSHA (Problems of Cultural Adaptation in Upper Paleolithic: basing on the materials from Eastern Europe and USA)*. Leningrad: Nauka, 32—34 (in Russian).
- Leonova, N. B. 1990. In Bray, W., Trump, D. *Arkheologicheskii slovar' (Dictionary of archaeology)*. Moscow: Progress, 12 (in Russian).
- Leonova, N. B. 1993. In *Problemy paleoekologii drevnikh obshchestv (Problems of Paleoecology of Ancient Communities)*. Moscow: ROU, 74—97 (in Russian).
- Leonova, N. B. 1996. In *Arkheologicheskii al'manakh (Archaeological Almanac)* 5, 169—174 (in Russian).
- Leonova, N. B. 1999. In *Donskaia arkhologiya (Archaeology of Don)* 3—4, 82—92 (in Russian).
- Leonova, N. B. 2000. In *Arkheologicheskii al'manakh (Archaeological Almanac)* 9, 137—144 (in Russian).
- Leonova, N. B. 2002. In *Verkhni paleolit — verkhni pleistotsen: dinamika prirodnykh sobytii i periodizatsiia arkhologicheskikh kul'tur (Upper Paleolithic – Upper Pleistocene: dynamics of natural events and periodization of archaeological cultures)*. Saint Petersburg: Akadem-Print, 50—57 (in Russian).
- Leonova, N. B., Nesmeyanov, S. A., Vinogradova, E. A., Voiekoval, O. A., Gvozdover, M. D., Min'kov, E. V., Spiridonova, E. A., Sychova, S. A. 2006. *Paleoekologiya ravninogo paleolita: na primere kompleksa verkhnepaleoliticheskikh stoianok Kamennaia Balka v Severnom Prichernomor'e (Paleoecology of lowland Paleolithic: on the example of the complex of Upper Paleolithic sites Kamennaia Balka in Northern Black Sea region)*. Moscow: Nauchnyi mir (in Russian).
- Leonova, N. B., Min'kov, E. V. 1987. In *Problemy interpretatsii arkhologicheskikh istochnikov (Problems of interpretation of archaeological sources)*. Ordzhonikidze: COGU, 34—50 (in Russian).
- Markov, G. E. 1979. *Istoriia khoziaistva i material'noi kul'tury v pervobytnom i ranneklassovom obshchestve (History of economy and material culture in the prehistoric and early class society)*. Moscow: MGU (in Russian).
- Markov, G. E. 1979. In *Problemy tipologii v etnografii (Problems of typology and ethnography)*. Moscow: Nauka, 147—157 (in Russian).
- Masson, V. M. 1976. *Ekonomika i sotsial'nyi stroi drevnikh obshchestv (Economy and social structure of ancient societies)*. Leningrad: Nauka (in Russian).
- Masson, V. M. 1989. *Pervye tsivilizatsii (First Civilizations)*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Masson, V. M. 1996. *Paleoliticheskoe obshchestvo Vostochnoi Evropy: voprosy paleoekonomiki, kul'turogeneza i sotsiogeneza (Paleolithic society of Eastern Europe: questions of paleoeconomy, culture genesis and sociogenesis)*. Saint Petersburg: Goskomstat (in Russian).
- Medyanik, S. I., Sapozhnikov, I. V. 2003—2004. In *Stratum plus (Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology)* (1), 454—566 (in Russian).
- Min'kov, E. V. 1990. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkhologii Akademii nauk SSSR (Brief reports of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of USSR)* 202, 17—20 (in Russian).
- Min'kov, E. V. 1991. *Okhotnich'e khoziaistvo naseleniia Severnogo Prichernomor'ia v epokhu pozdnego paleolita: opyt rekonstruktsii (Hunting economy of the population of Northern Black Sea region in Late Paleolithic: an attempt of reconstruction)*. Moscow (in Russian).
- Min'kov, E. V. 1993. In *Problemy paleoekologii drevnikh obsh-*

- chestv (*Problems of Paleocology of Ancient Communities*). Moscow: ROU, 19—59 (in Russian).
- Nuzhnyj, D. Yu. 1997. In *Arkheolohiya (Archaeology)* (2), 3—23 (in Ukrainian).
- Olenkovsky, N. P. 1989. *Pozdnii paleolit i mezolit Nizhnego Dnepra (Late Paleolithic and Mesolithic of Lower Dnieper region)*. Kiev (in Russian).
- Olenkovsky, N. P. 1991. *Pozdnii paleolit i mezolit Nizhnego Dnepra (Late Paleolithic and Mesolithic of Lower Dnieper region)*. Kherson: Upravlenie po pečati (in Russian).
- Olenkovsky, N. P. 1995. In *Arheologicheskii al'manah (Archaeological Almanac)* 4, 93—96 (in Ukrainian).
- Olenkovsky, N. P. 2000. *Paleolit ta mezolit Prysvyashshya. Problemy epiravetu Ukrainy (Paleolithic and Mesolithic of Prisyvash'e. Problems of epigravettian in Ukraine)*. Kherson: Prydniprov'ya (in Ukrainian).
- Pidoplichko, I. G. 1938. *Materialy do vyvchennya mynulykh faun URSR (Materials for the study of past fauna in URSR)* 1. Kiev: AN URSR (in Ukrainian).
- Pidoplichko, I. G. 1948. In *Arkheolohiya (Archaeology)* II, 215—216 (in Ukrainian).
- Pidoplichko, I. G. 1953. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii Akademii nauk SSSR (Brief reports of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of USSR)* 2, 65—68 (in Russian).
- Pidoplichko, I. G. 1956. *Materialy do vyvchennya mynulykh faun URSR (Materials for the study of past fauna in URSR)* 2. Kiev: AN URSR (in Ukrainian).
- Pidoplichko, I. G. 1969. *Pozdnepaleoliticheskie zhilishcha iz kostei mamonta na Ukraine (Upper Paleolithic Dwellings of Mammoth Bones in the Ukraine)*. Kiev: Naukova dumka (in Russian).
- Praslov, N. D. 1989. In *Problemy kul'turnoi adaptatsii v epokhu verkhnego paleolita: po materialam Vostochnoi Evropy i SShA (Problems of Cultural Adaptation in Upper Paleolithic: basing on the materials from Eastern Europe and USA)*. Leningrad: Nauka, 7—9 (in Russian).
- Praslov, N. D., Filippov, A. K. 1967. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii Akademii nauk SSSR (Brief reports of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of USSR)* 111, 24—30 (in Russian).
- Praslov, N. D., Shchelinsky, V. E. 1996. *Verkhnepaleoliticheskoe poselenie Zolotovka I na Nizhnem Donu: arkheologicheskoe issledovanie struktury zhilogo prostranstva (Upper Paleolithic site of Zolotovka I on Lower Don: archaeological study of the structure of inhabited space)*. Saint Petersburg: Tourussell (in Russian).
- Rudinsky, M. 1931. In *Antropolohiya (Anthropology)* IV, 145—184 (in Ukrainian).
- Rumyantsev, A. M. 1985. *Vozniknovenie i razvitie pervobytnogo sposobu proizvodstva: pervobytnoe vosproizvodiaschche khoziaistvo (Appearance and development of the prehistoric method of production: prehistoric regenerate economy)*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Sapozhnikov, I. V. 1987. *Pozdnii paleolit steppei Nizhnego Pridnestrov'ia (Late Paleolithic of the steppes of Lower Dniester region)*. Leningrad (in Russian).
- Sapozhnikov, I. V. 1989. In *Problemy okhrany i issledovaniia pamiatnikov arkheologii v Donbasse (Problems of protection and research of archaeological sites in Donbas)*. Donetsk, 72—73 (in Russian).
- Sapozhnikov, I. V. 1989. In *Problemy kul'turnoi adaptatsii v epokhu verkhnego paleolita: po materialam Vostochnoi Evropy i SShA (Problems of Cultural Adaptation in Upper Paleolithic: basing on the materials from Eastern Europe and USA)*. Leningrad: Nauka, 30—31 (in Russian).
- Sapozhnikov, I. V. 1992. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii Akademii nauk SSSR (Brief reports of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of USSR)* 206, 43—48 (in Russian).
- Sapozhnikov, I. V. 1995. In Sapozhnikova G. V., Korobkova G. F., Sapozhnikov I. V. *Khoziaistvo i kul'tura naseleniia Iuzhnogo Pobuzh'ia v pozdnem paleolite i mezolite (Economy and culture of the population of Southern Bug region in Late Paleolithic and Mesolithic)*. Odessa; Saint Petersburg: Germes, 149—176 (in Russian).
- Sapozhnikov, I. V. 2003. *Bol'shaia Akkarzha: khoziaistvo i kul'tura pozdnego paleolita Stepnoi Ukrainy (Bol'shaia Akkarzha: economy and culture of the Paleolithic in the steppe region of Ukraine)*. Kiev: Shliakh (in Russian).
- Sapozhnikov, I. V. 2003. In *Kam'yana doba Ukrainy (The Stone Age of Ukraine)* 2, 87—107 (in Ukrainian).
- Sapozhnikov, I. V. 2003. In *Arheologicheskii al'manah (Archaeological Almanac)* 13, 199—217 (in Russian).
- Sapozhnikov, I. V. 2004. In *Starozhytnosti stepovoho Prychornomor'ya i Krymu (Antiquities of the steppe zone in Northern Pontic and Crimea)* XI, 299—316 (in Russian).
- Sapozhnikov, I. V., Sapozhnikova, G. V. 1990. In *Khronostratigrafiia paleolita Severnoi, Tsentral'noi, Vostochnoi Azii i Ameriki (Chronostratigraphy of Paleolithic of Northern, Central and Eastern Asia and America)*. Novosibirsk: Nauka, 269—272 (in Russian).
- Sapozhnikov, I. V., Sapozhnykova, H. V. 2001. In *Voprosy antropologii (Questions of Anthropology)* 3—4, 22—30 (in Ukrainian).
- Sapozhnikov, I. V., Sapozhnykova, H. V. 2002. In *Kam'yana doba Ukrainy (The Stone Age of Ukraine)* 1, 82—95 (in Ukrainian).
- Sapozhnikov, I. V., Sapozhnikova, G. V. 2011. In *Stratum plus (Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology)* (1), 15—149.
- Sapozhnikov, I. V., Sekerskaya, E. P. 2001. In *Arkheolohiya (Archaeology)* (2), 103—110 (in Ukrainian).
- Sapozhnikova, G. V. 1986. *Vzaimootnoshenie kul'tur i khoziaistvennykh kompleksov final'nogo paleolita i mezolita Iuzhnogo Pobuzh'ia (Interrelation of cultures and economical complexes of the Final Paleolithic and Mesolithic of the Southern Bug region)*. Leningrad (in Russian).
- Sapozhnikova, G. V. 2005. In *Problemy rannei pory verkhnego paleolita Kostenkovsko-Borshchevskogo raiona i sopredel'nykh territorii (Problems of the early stage of Upper Paleolithic of the Kostenki-Borschiv region and adjacent territories)*. Saint Petersburg: Akadem-Print, 234—239 (in Russian).
- Sapozhnykova, H. V. 2007. In *Kam'yana doba Ukrainy (The Stone Age of Ukraine)* 10, 126—130 (in Ukrainian).
- Sapozhnikova, G. V., Korobkova, G. F., Sapozhnikov, I. V. 1995. *Khoziaistvo i kul'tura naseleniia Iuzhnogo Pobuzh'ia v pozdnem paleolite i mezolite (Economy and culture of the population of Southern Bug region in Late Paleolithic and Mesolithic)*. Odessa; Saint Petersburg: Germes (in Russian).
- Bromley, Yu. V., Shtrobakh, G. (eds.). 1986. *Svod etnograficheskikh poniatii i terminov (Corpus of ethnographic concerns and terms)*. Issue 1. *Sotsial'no-ekonomicheskie otnosheniia i sotsionormativnaia kul'tura (Social-economical relations and socionormative culture)*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Sekerskaya, E. P. 1999. In *Arkheolohichna zbirka Khersons'koï inspektsii okhorony pam'yatok (Archaeological compilation of the Kherson Inspection for Protection of Monuments)*. Kherson: Prydniprov'ya, 44—47 (in Ukrainian).
- Sekerskaya, E. P. 2003. In *Bol'shaia Akkarzha: khoziaistvo i kul'tura pozdnego paleolita Stepnoi Ukrainy (Bol'shaia Akkarzha: economy and culture of the Paleolithic in the steppe region of Ukraine)*. Kiev: Shlyakh, 286—288 (in Russian).
- Semenov, Yu. I. 1973. In *Sovetskaia Etnografii (Soviet Ethnography)* (4), 52—65 (in Russian).
- Sergin, V. Ya. 1992. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii Akademii nauk SSSR (Brief reports of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of USSR)* 206, 48—52 (in Russian).
- Simchenko, Yu. B. 1976. *Kul'tura okhotnikov na oleni Severnoi Evrazii: etnograficheskaya rekonstruktsiia (Culture of the reindeer hunters of Northern Eurasia: an ethnographical reconstruction)*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Smirnov, S. V. 1977. In *Problemy paleolita Vostochnoi i Tsentral'noi Evropy (Problems of the Paleolithic of Eastern and Central Europe)*. Leningrad: Nauka, 149—157 (in Russian).
- Smolyaninova, S. P. 1989. In *Pozdnepaleoliticheskoe poselenie Anetovka II (The Late Paleolithic settlement of Anetovka II)*. Kiev: Naukova dumka, 113—126 (in Russian).
- Smolyaninova, S. P. 1990. *Paleolit i mezolit stepnogo Pobuzh'ia (Paleolithic and Mesolithic of steppe Bug region)*. Kiev: Naukova dumka (in Russian).

- Smyntyna, E. V. 2000. In *Stratum plus (Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology)* (1), 463—476 (in Russian).
- Smyntyna, E. V. 2001. *Zonal'nist' rann'opervisnykh kul'tur: doslidzhennya, fakty, teorii (The zonal distribution of early prehistoric cultures: research, facts, theories)*. Odessa: Astroprint (in Ukrainian).
- Soffer, O. A. 1993. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (3), 5—17 (in Russian).
- Stanko, V. N. 1989. In *Problemy kul'turnoi adaptatsii v epokhu verkhnego paleolita: po materialam Vostochnoi Evropy i SSHA (Problems of Cultural Adaptation in Upper Paleolithic: basing on the materials from Eastern Europe and USA)*. Leningrad: Nauka, 27—29 (in Russian).
- Stanko, V. N. 1990. In *Problemy pervobytnoi arkheologii Severnogo Prichernomor'ia (Problems of prehistoric archaeology of Northern Black Sea region)*. P. I. Kherson, 11—13 (in Russian).
- Stanko, V. N. 1992. In *Studia praehistorica* 11—12, 8—27 (in Russian).
- Stanko, V. N. 1996. In *Arheologicheskii al'manah (Archaeological Almanac)* 5, 129—138 (in Russian).
- Stanko, V. N. 1997. In *Zapysky Istorychnoho fakul'tetu Odes'koho derzhavnogo universytetu (Reports of the Historical department of Odessa State University)* 5, 3—10 (in Russian).
- Stanko, V. N. 1999. In *Stratum plus (Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology)* (1), 322—325 (in Russian).
- Starkin, A. V. 2000. In *Arkheolohiya ta etnolohiya Skhidnoi Yevropy: materialy i doslidzhennya (Archaeology and ethnology of Eastern Europe: materials and studies)*. Odessa: Astroprint, 21—38 (in Russian).
- Stepanov, V. P. 1973. In *Pervobytnyi chelovek, ego material'naia kul'tura i prirodnaia sreda v pleistotsene i golotsene (Prehistoric man, his material culture and natural environment in the Pleistocene and Holocene)*. Moscow, 34—37 (in Russian).
- Stepanov, V. P. 1976. In *Problemy obshchei fizicheskoi geografii i paleogeografii (Problems of general physical geography and paleogeography)*. Moscow: MGU, 300—322 (in Russian).
- Stepanov, V. P. 1982. In *XI kongress INKVA (11th Congress of INKVA) II*. Moscow: VINITI, 272—273 (in Russian).
- Stepanchuk, V. M., Koen, V. Yu., Gerasimenko, N. P., Dumbolon, F., Haesaerts, P., Zhuravlev, O. P., Kovalyukh, M. M., Petrun, V. F., Plikht, J., Putshkov, P. V., Rekovets, L. I., Terner, Ch. G. 2004. In *Kam'yana doba Ukraïny (The Stone Age of Ukraine)* 5, 62—98 (in Ukrainian).
- Stefenson, R. 1969. In *Chetvertichnyi period v SSHA (Quaternary period in USA) II*. Moscow: Mir, 308—326 (in Russian).
- Stolyar, A. D. 1985. *Proiskhozhdenie izobrazitel'nogo iskusstva (Origin of figurative art)*. Moscow: Iskusstvo (in Russian).
- Todd, L. S. 1986. In *Issledovaniia chetvertichnogo perioda (Research on the Quaternary period)*. Moscow: Nauka, 168—176 (in Russian).
- Tunmann, I. 1990. *Krymskoe khanstvo (The Crimean Khanate)*. Simferopol: Tavriia (in Russian).
- Fainberg, L. A. 1986. In *Istoriia pervobytnogo obshchestva: epokha pervobytnoi rodovoi obshchiny (History of prehistoric society: the epoch of prehistoric tribal society)*. Moscow: Nauka, 130—235 (in Russian).
- Frison, G. C. 1986. In *Issledovaniia chetvertichnogo perioda (Research on the Quaternary period)*. Moscow: Nauka, 176—183 (in Russian).
- Khazanov, A. M. 1973. In *Sovetskaia Etnografiia (Soviet Ethnography)* (1), 114—121 (in Russian).
- Cheboksarov, N. N., Cheboksarova, I. A. 1986. *Narody. Rasy. Kul'tury (People. Races. Cultures)*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Chernysh, O. P. 1953. *Volodymyriv's'ka paleolitychna stoyanka (Volodymyriv's'ka Paleolithic site)*. Kiev: AN URSR (in Ukrainian).
- Chesnov, Ya. V. 1982. In *Etnos v doklassovom i ranneklassovom obshchestve (Ethnos in the pre-class and early class society)*. Moscow: Nauka, 109—123 (in Russian).
- Schmidt, A. V. 1932. In *Pervobytnoe obshchestvo (Primitive society)*. Moscow: Zhurnal'no-gazetnoe ob'edinenie, 235—254 (in Russian).
- Shovkoplyas, I. G. 1966. In *VII Mezhdunarodnyi kongress doistorikov i protoistorikov. Doklady i soobshcheniia arkheologov SSSR. (Reports and communications of the USSR archaeologists at the VIIth international Congress of prehistorians and protohistorians)*. Moscow: Nauka, 41—43 (in Russian).
- Artur, G. W. 1975. *An Introduction to the Ecology of Early Historic Communal Bison Hunting among the Northern Plains Indians*. Ottawa: National Museums of Canada.
- Boriskovsky, P. I. 1993. Determining Upper Paleolithic Historicocultural Regions: a Case Study. In: Soffer, O., Praslov, N. D. (eds.). *From Kostenki to Clovis: Upper Paleolithic — Paleo-Indian Adaptations*. New York: Plenum Press, 143—147.
- Dolukhanov, P. M. 1993. The Pleistocene — Holocene Boundary: Environmental Processes and Social Adaptions. In: Soffer, O., Praslov, N. D. (eds.). *From Kostenki to Clovis: Upper Paleolithic — Paleo-Indian Adaptations*. New York: Plenum Press, 189—197.
- Frison, G. C. 1978. *Prehistoric Hunters of the High Plains*. New York; San Francisco; London: Academic Press.
- Frison, G. C. 1982. Paleoindian Winter Subsistence Strategies on the High Plains. In: Ubelaker, D., Viola, H. (eds.). *Plains Indian studies: a collection of essays in honor of John C. Ewers and Waldo R. Wedel*. Washington, D.C.: Smithsonian Institution Press, 193—201.
- Frison, G. C. 1998. Paleoindian Large Mammal Hunters on the Plains of North America. *PNAS* 95, 14576—14583.
- Frison, G. C., Stanford, D. J. 1982. *The Agate Basin Site. A Record of the Paleoindian Occupation of the Northwestern High Plains*. New York: Academic Press.
- Garretson, M. S. 1938. *The American Bison: The Story of its Extinction as a Wild Species and its Restoration Under Federal Protection*. New York: New York Zoological Society.
- Grigorieva, G. V. 1999. Les chasseurs de bison au Paléolithique supérieur dans la zone steppique du nord de la mer Noire. In: Brugal, J.-Ph., David, Fr., Jaubert, J. (eds.). *Le Bison: gibier et moyen de subsistance des hommes du paléolithique aux Paléindiens des Grandes Plaines: Actes du colloque international, Toulouse, 6—10 juin 1995*. Antibes: APDCA, 361—365.
- Grinnell, G. B. 1904. The Bison. In: Whitney C., Grinnell G. B., Wister, O. (authors). *Musk-Ox, Bison, Sheep and Goat*. New York: Macmillan Co, 138—142.
- Hoffecker, J. F., Baryshnikov, G. F., Potapova, O. R. 1991. Vertebrate Remains from the Mousterian Site Il'skaya I (Northern Caucasus, USSR): New Analysis and Interpretations. *JAS* 18, 113—147.
- Kehoe, T. F. 1973. *The Gull Lake Site: A Prehistoric Bison Drive Site in Southwestern Saskatchewan*. Milwaukee: Milwaukee Public Museum.
- Kellsal, J. P. 1968. *The Migratory Barren-ground Caribou of Canada*. Ottawa: Queen's Printer.
- Korobkova, G. F. 1993. The Technology and Function of Tools in the Context of Regional Adaptations: A Case Study of the Upper Paleolithic and Mesolithic of the Northwestern Black Sea Region. In: Soffer, O., Praslov, N. D. (eds.). *From Kostenki to Clovis: Upper Paleolithic — Paleo-Indian Adaptations*. New York: Plenum Press, 159—173.
- Krasnokutsky, G. 1996. *Bison Hunting and Human Adaptation: A Case of Comparative Study of the Upper Palaeolithic of Southern Ukraine*. Odessa: Polis Press.
- Krotova, A. A., Belan, N. G. 1993. Amvrosievka: A Unique Upper Paleolithic Site in Eastern Europe. In: Soffer O., Praslov, N. D. (ed.). *From Kostenki to Clovis: Upper Paleolithic — Paleo-Indian Adaptations*. New York: Plenum Press, 125—142.
- Leonova, N. B. 1993. Criteria for Estimating the Duration of Occupation at Paleolithic sites: an example from Kamennaya Balka II. In: Soffer, O., Praslov, N. D. (eds.). *From Kostenki to Clovis: Upper Paleolithic — Paleo-Indian Adaptations*. New York: Plenum Press, 149—157.
- Leonova, N. B. 1994. The Upper Paleolithic of the Russian Steppe Zone. *JWP* 8 (2), 3—50.
- Leonova, N. B. 2003. Dwellings in the Eastern Steppe Zone. In: Vasil'ev, S. A., Soffer, O., Kozłowski, J. K. (eds.). *Perceived Landscapes and Built Environments: The Cultural Geogra-*

- phy of Late Paleolithic Eurasia. *BAR* 1122, 17—24.
- Leonova, N.B., Min'kov, E.V. 1988. Spatial Analysis of Faunal Remains from Kamennaya Balka II. *JAA* 7, 203—230.
- Medeanic, S., Sapozhnikov, I. 2006. Late Palaeolithic Bison Hunter Site Bolshaya Akkarzha in the Environment of the South-eastern Europe. *Eurasian Prehistory* 4 (1—2), 87—98.
- Monks, G.G. 1981. Seasonality Studies. In: Schiffer, M.B. (ed.). *Advances in Archaeological Method and Theory* 4. New York: Academic Press, 3—9.
- Müller-Wille, W. 1954. Arten der menschlichen Siedlung. Versuche einer Begriffsbestimmung und Klassifikation. *Abhandlungen der Akademie für Raumpforschung* 28, 141—163.
- Oliver, S.C. 1963. *Ecology and Cultural Continuity as Contributing Factors in the Social Organizations of the Plains Indians*. University of California Publications in American Archaeology and Ethnography 48.
- Roe, F.G. 1970. *The North American Buffalo: A Critical Study of the Species*. Toronto: University of Toronto Press.
- Sapozhnikov, I.V. 1989. The Steppes in the Late Paleolithic: Steppe Model of Adaptation and the Factor of Cultural Convergence. *Antiquity* 63 (241), 791.
- Sapozhnikov, I. 2006. Development of the Landscape and Human Societies on the Northern Black Sea Steppes During the Late Paleolithic (ca. 32—10 ky BP). In: Catto N. (ed.). *Black Sea — Mediterranean Corridor During the Last 30 ky: Sea Level Change and Human Adaptation*. Extended Abstract 2nd Plenary Meeting and Field Trip of Project IGCP-521 (2005—2009). Odessa: Astroprint, 147—148.
- Sapozhnikova, G. 2005. The Elements of Reproducing Economy in Upper Paleolithic and Mesolithic Sites of Southern Ukraine. In: Aspes, Al., Longo, L. (eds.). *“Prehistoric Technology” 40 Years Later: Functional Studies and Russian Legacy*. Book of Abstracts of the International Congress. Verona: Cierre Grafica, 42—43.
- Sapozhnikova, G., Sapozhnikov, I. 2005. Functional Typology Upper Palaeolithic Stone Equipment from Eastern Europe Steppe. In: Aspes, Al., Longo, L. (eds.). *“Prehistoric Technology” 40 Years Later: Functional Studies and Russian Legacy*. Book of Abstracts of the International Congress. Verona: Cierre Grafica, 133—134.
- Smithsonian Institution Research Reports 16. 1977. Washington.
- Soffer, O. 1985. *The Upper Paleolithic of the Central Russian Plain*. San Diego: Academic Press.
- Speth, J.D. 1983. *Bison Kills and Bone Counts*. Chicago; London: University of Chicago Press.
- Speth, J.D., Parry, W.J. 1980. *Late Prehistoric Bison Procurement in Southeastern New Mexico: the 1978 season at the Garnsey Site (LA-18399)*. Ann Arbor: Museum of Anthropology, the University of Michigan.
- Todd, L.C. 1987. Analysis of Kill-Butchery Bonebeds and Interpretation of Paleoindian Hunting. In: Nitecki M.H., Nitecki D.V. (eds.). *The Evolution of Human Hunting*. New York: Plenum Press, 225—266.
- Todd, L.C. 1991. Seasonality Studies and Paleoindian Subsistence Strategies. In: Stiner, M.C. (ed.). *Human Predators and Prey Mortality*. Boulder, Colorado: Westview Press, 217—238.
- Wedel, W.R. 1941. *Environment and Native Subsistence Economics in the Central Great Plains*. Washington: Smithsonian Institute.
- Wedel, W.R. 1964. The Great Plains. In: Norbeck Ed., Jennings J.D. (eds.). *Prehistoric Man in the New World*. Chicago: University of Chicago Press, 193—222.
- Wheat, J.B. 1967. A Paleo-Indian Bison Kill. *SA* 216 (1), 44—52.
- Wheat, J.B. 1972. *The Olsen Chubbock Site: a Paleo-Indian Bison Kill*. *Memoirs of the Society for American Archaeology* 26.
- Wissler, C. 1922. *The American Indian: an Introduction to the Anthropology of the New World*. New York: Oxford University Press (2nd ed.).
- Wittaker, W.E., Enloe J.G. 2000. Bison Dentition Studies Revisited: Resolving Ambiguity Between Archaeological and Modern Control Samples. *Archaeozoologia* XI, 113—120.

Статья поступила в номер 28 декабря 2012 г.

Igor Sapozhnikov (Illichivsk, Ukraine). Doctor of Historical Sciences. Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine¹.

Igor Sapozhnikov (Illicivsk, Ucraina). Doctor în științe istorice. Institutul de arheologie al Academiei Naționale de Științe a Ucrainei.

Сапожников Игорь Викторович (Ильичевск, Украина). Доктор исторических наук. Институт археологии Национальной Академии наук Украины.

E-mail: igors@gcn.ua